Библиотека Спортивной Прозы

ДЖЕК ЛОНДОН

ДЕРЖИ НА ЗАПАД

Библиотека
Спортивной
Прозы

ФИС

Библиотека Спортивной Прозы

ДЖЕК ЛОНДОН

ДЕРЖИ НА ЗАПАД

Повести и рассказы

Перевод с английского

Москва
«Физкультура и спорт»
1990

ББК 84.7США
Л76

Составитель и автор предисловия
В. М. БЫКОВ

Лондон Д.
Л76 Держи на запад: Повести и рассказы /Сост. Быков В. М. Пер. с англ. — М.: Физкультура и спорт, 1990.— 542 с., ил.— (Б-ка спортивной прозы).
ISBN 5—278—00248—4

Общеизвестно, что знаменитый американский писатель Джек Лондон любил спорт. Он отлично плавал, занимался боксом, фехтованием, верховой ездой, на яхте пересек Тихий океан. Через все его творчество проходит тема борьбы со стихией, воли к жизни, физического и духовного преодоления.

В этот сборник вошли произведения разных лет, в том числе и малоизвестные у нас.

Л $\frac{4700000000—034}{009(01)—90}$ 57—90 ББК84.7США

ISBN 5—278—00248—4

© Издательство «Физкультура и спорт», 1990, составление, предисловие, оформление.

«Я скорее стал бы метеором, чем планетой»

Мы с Рассом Кингманом на ранчо Джека Лондона. Неторопливо спускаемся по травянистому склону холма знаменитой Лунной долины. Мой спутник — автор новейшей биографии и директор фонда Джека Лондона — рассказывает об уцелевших постройках и планах восстановления исторических мест, связанных с жизнью великого сына Калифорнии. Несколько лет назад фонд писателя, по инициативе Расса, распространил брошюру с тревожным кличем о пожертвованиях для восстановления дома писателя и построек на ранчо — ныне Мемориальном парке Джека Лондона. На реставрационные работы требуется 1,5 миллиона долларов, часть суммы теперь уже собрана.

Среди строений, подлежащих реставрации, деревянный коттедж, в котором последние пять лет жил и работал автор «Мартина Идена». Легендарный дом пустует. Вся его обстановка и вещи перевезены в музей, развернутый в особняке жены писателя Чармиан. Коттеджу за сто лет. Прохожу по террасе, заглядываю в окна. Внутри более или менее благополучно, но снаружи... тес, которым обит дом, подгнил, рамы пришли в ветхость. Застекленные веранды, где были спальни Джека и Чармиан и где перестало биться его сердце, наглухо заколочены фанерой. Погребен под слоем перегноя от опавших листьев фонтан во дворике.

Вот кабинет Лондона, более поздняя пристройка, возведенная после пожара «дома Волка», в 1914-м, за два года до смерти писателя. Здесь вдохновенное воображение рисовало ему эпизоды увлекательных рассказов, водило по дорогам переменчивой судьбы его мужественных героев.

Расс говорит о намерении полностью восстановить хо-

зяйственные постройки: конюшню, кузницу, «поросячий дворец» (сооруженный по проекту Лондона свинарник), привести в порядок обширную территорию. Вот здесь, например, как при хозяине, высаживают бесколючковые кактусы.

Влево-вверх уходит тропа к озеру. Воздвигнув там, наверху, на высоте 1000 футов, бетонную дамбу и преградив путь ручью, хозяин ранчо создал живописное озеро. Дамба Джека Лондона до сей поры стоит крепко. К ней, пожалуй, более всего относятся его слова: «Все, что я строю,— это на грядущие годы». Здесь был сооружен трамплин. Среди дикой природы, в окружении подрастающих секвой и елей возникло сказочное место для купания и рыбной ловли. От водоема тропа тянется еще дальше вверх по поросшему густой растительностью склону, до высоты 2200 футов, почти до вершины горы Сонома. Оттуда вид на всю долину, до горизонта и противоположной гряды гор.

Джек часто взбирался туда вместе с Чармиан и друзьями, нередко верхом, чтобы полюбоваться сиреневыми далями, ощутить с высоты птичьего полета свою силу и бессилие, свою слитность и зависимость от этих гор и бескрайнего неба.

Он любил померяться силами со стихией, увлекался спортом — плаванием, верховой ездой, боксом, велосипедом, упражнениями на рапирах, был заправским моряком — пересек Тихий океан на собственной яхте. Полнее всего, пожалуй, его кредо выражено в очерках «Путешествие на «Снарке»: «Больше всего я хочу разных личных достижений — не для того, понятно, чтобы кто-то мне аплодировал, а просто для себя, для собственного удовольствия. Это все то же старое: «Это я сделал! Я! Собственными руками я сделал это!» Но мои подвиги должны быть непременно материального, даже физического свойства. Для меня гораздо интереснее побить рекорд в плавании или удержаться в седле, когда лошадь хочет меня сбросить, чем написать прекрасную повесть!»

«Чем больше препятствия, тем больше удовольствие от их преодоления,— объясняет Лондон причины, побудившие его принять рискованное путешествие вокруг света.— Возьмите, например, человека, который прыгает с трамплина в воду: он делает в воздухе полуоборот всем телом и падает в воду всегда головой вперед. Как только оттолкнется от трамплина, он попадает в непривычную среду, и столь суровой будет расплата, если он не справится с задачей и упадет в воду плашмя. Разумеется, ни-

что, собственно, не заставляет его подвергать себя риску такой расплаты. Он может спокойно остаться на берегу в безмятежном и сладостном окружении летнего воздуха, солнечного света и устойчивой неподвижности. Но что поделаешь, человек создан иначе! В короткие мгновения полета он живет так, как никогда не жил бы, оставаясь на месте. Я, во всяком случае, предпочитаю быть на месте этого прыгающего...»

Идеал Джека Лондона, его положительный герой — человек сильный, спортивный, готовый померяться с силами природы и общества («Игра», «Прибой Канака», «Лютый зверь»). Его увлекает азарт состязания, напряжение игры, он испытывает восторг от преодоления. М. Горький верно подметил, сказав, что Джек Лондон «хорошо видел, глубоко чувствовал творческую силу воли и умел изображать волевых людей» *.

Секрет жизнеутверждающего пафоса произведений писателя, однако, не только в победе его героев над обстоятельствами или соперником, хотя это и дает оптимистическую окраску его творечству. Ибо далеко не всегда они одерживают верх, многие его произведения заканчиваются трагически. Лондон убежден, что поражение терпят слабые духом и те, кто отступил от норм честной борьбы, кто не учел великого опыта предшественников, не принимает во внимание безжалостные законы природы.

Джеку Лондону кажется, что если не согнуться, не спасовать, отдать все без остатка, то победа непременно придет. Человек, не сломленный духовно, даже погибая, остается победителем.

За таким его мироощущением богатый жизненный опыт. Лондон вырос в нужде и, как говорят в Америке, сам сделал себя. За короткую жизнь, всего сорок лет, он был и матросом, и бродягой, и студентом, и старателем, и разнорабочим, и фермером, и репортером (военным и спортивным), и капитаном, и штурманом на собственной яхте, и неизменно завзятым путешественником, пытливо изучающим мир и его людей. Ко всему прочему, он был активным общественным деятелем, выступавшим против капитализма, за социализм в США. Как вдумчивый художник, он вскрывал пороки капиталистического общества, пагубную роль всепроникающего духа наживы, и в спорте в том числе.

Огромный жизненный материал хорошо послужил пи-

---

* Горький М. О литературе. М., 1953, с. 358.

сателю для его правдивых романов и рассказов о золотоискателях Аляски, жителях южных морей, для повестей о боксерах и других смелых людях.

Джек Лондон — первооткрыватель и бытописатель дальних краев и народов. Но он также один из самых первых талантливых художников, писавших о спортивных достижениях человека. Американские литературоведы считают его отцом современных авторов спортивной темы. Ведь это он первым в мировой литературе восемь десятилетий назад со знанием дела и на уровне высокой поэзии описал серфинг (по его выражению, «спорт богов и героев»), который с удивлением наблюдал и смело опробовал на Гавайях («Путешествие на «Снарке»).

Творчество Джека Лондона демократично и гуманно. Писатель восхищается победителем, но сочувствует и побежденному в честной борьбе. Его симпатии на стороне стареющего спортсмена («Кусок мяса»). Он умеет показать правду, сложные коллизии схватки, переживания, психологию борца, изменчивую удачу борьбы.

В Европе, Америке, Азии, в Африке, Австралии — повсюду его знают как большого писателя, блестяще владеющего искусством увлекательного повествования. Известный американский писатель Ирвинг Стоун признавался, что почти во всех странах мира он встречал авторов, уверявших его, что романы и рассказы Лондона, и прежде всего книга «Мартин Иден», были побудительным импульсом их решимости стать писателями.

Творчество Лондона хорошо известно в нашей стране. Им восхищались его русские современники: М. Горький, А. Куприн, Л. Андреев. О благотворном влиянии его произведений на их жизнь и творчество говорили: В. Маяковский, С. Есенин, А. Грин, А. Фадеев, Н. Островский, Б. Полевой, В. Шушкин, Василь Быков, Эмэ Бээкман, В. Пикуль и другие советские писатели.

«Разведчиком мне помогло стать то обстоятельство,— пишет Владимир Карпов,— что до войны я очень увлекался боксом. Зачитываясь в ту пору Джеком Лондоном, его «Мексиканцем», считал этот спорт искусством и был даже чемпионом Средней Азии по боксу. На войне много раз меня спасала моментальная реакция» *.

Можно приводить новые и новые свидетельства признательности различных авторитетов, обращенной к замечательному художнику слова, певцу мужества: героев

---

* «Книжное обозрение», 7 мая 1985 г., с. 8.

«Молодой гвардии», космонавтов, деятелей искусства, крупных военачальников. Главный маршал артиллерии В. Ф. Толубко, например, считает, что Джек Лондон учит тому, как стать настоящим мужчиной.

Известны высокие отзывы о произведениях Лондона В. И. Ленина, А. В. Луначарского.

Джек Лондон — один из самых любимых в нашей стране писателей, его произведения хорошо известны советскому читателю. Но далеко не все. Из 160 рассказов лишь два-три десятка, повторяясь, обычно варьируются в его сборниках. А в этом томике мне хотелось пошире представить его повести и рассказы о спорте и разных состязаниях. Более всего Лондоном было написано о боксе. Он увлекался этим видом спорта, ходил на матчи, писал репортажи о встречах знаменитых боксеров его времени.

Наряду с хорошо известными рассказами, такими, как «Мексиканец», «Кусок мяса», читатель найдет в книге обычно остававшиеся в тени повести «Игра» и «Лютый зверь». Включены в книгу и малоизвестные вещи автобиографического характера: «Из Доусона в океан», «Плавание на малых судах», «Мертвые не возвращаются».

Хочу обратить внимание читателя на сюжетную связь последнего из перечисленных рассказов с первым рассказом Лондона «Тайфун у берегов Японии», написанным на конкурс, объявленный газетой «Сан-Франциско колл». Как известно, начинающий писатель тогда получил за свой первый опыт первый приз. Увлеченный воспоминаниями о морском плавании на «Софи Сазерленд», Лондон превысил объем, обусловленный конкурсом, и был вынужден более чем наполовину сократить свое сочинение. Отсеченные куски были впоследствии использованы молодым писателем в новелле «Мертвые не возвращаются».

* * *

За последние годы в США опубликовано несколько фундаментальных монографий о Лондоне. Особенно интересна написанная Рассом Кингманом «Иллюстрированная жизнь Джека Лондона» (1979) — достоверная биография, созданная с уважением к фактам.

Кингман заботливо очистил жизнь своего героя от злонамеренных слухов, снабдил книгу огромным числом оригинальных фотографий. Интересны анализом творчества знаменитого беллетриста работы Чарлза Уотсона «Романы Джека Лондона. Переоценка» (1983) и Каролин Джонстон «Джек Лондон — американский радикал?» (1984). Авторы

использовали неизвестные архивные документы. Материал, приводимый в их работах, помогает по достоинству оценить Джека Лондона как крупного художника и общественного деятеля. Обращает на себя внимание и тщательно составленный сборник «Критические очерки о Джеке Лондоне», выпущенный под редакцией Жакелин Тавернье-Курбин (1983).

На фоне этих серьезных книг анахронизмом кажутся усилия литературоведов реакционно-апологетического направления, таких, например, как Джон Перри — автор работы «Джек Лондон — американский миф» (1981) *. Опираясь не на первоисточники, а на враждебную писателю-социалисту буржуазную прессу, которая травила Лондона, угрожавшего американскому капиталу грядущей революцией, Перри извращает биографию и творческий облик писателя.

Высмеивая нападки подобной критики, Ч. Уотсон резонно заметил, что такого рода литературоведы «больше озабочены продвижением своих диссертаций, нежели тем, чтобы воздать писателю по справедливости и объективно оценить его творчество».

Исследования обстоятельств кончины Джека Лондона убеждают современных биографов, что его смерть не была преднамеренным самоубийством, а явилась результатом острых ночных приступов уремии и попыток страдающего писателя снять невыносимую боль.

Телевидение, иллюстрированные журналы, многоликая торопливая жизнь ныне все меньше оставляют американцам времени для чтения художественной прозы. Тем более поразительны многочисленные сборники произведений Лондона, почти ежегодно выходящие в США.

Великолепны солидные однотомники, изданные под редакцией Расса Кингмана: «Сказки Севера» (1979), «Рассказы о приключениях» (1980), «Лучшее из Джека Лондона» (1984). В них факсимильно воспроизведены первые журнальные публикации писателя. Удивительны напечатанные в этих томах первые иллюстрации к его произведениям.

---

* Russ Kingman. Pictorial Life of Jack London, N. Y., Crown. 1979; Charles Watson. The Novels of Jack London. A Reappraisal. Madison, 1983; Carolin Johnston. Jack London — an American Radical? Greenwood Press, 1984; Critical Essays on Jack London. Comp. by J. Tavernie-Courbin. Boston, 1983; John Perry. Jack London an American Myth. Chicago, 1981.

Добротно сделан двухтомник Джека Лондона, изданный в 1982 году крупным нью-йоркским издательством. Выходят многотиражные недорогие сборники его произведений в мягких обложках. И совсем недавно, в 1989 году, опубликованы письма Лондона. Впервые так широко — в объемных трех томах.

Свидетельством признания национального значения выдающегося писателя в США стал факт выпуска к 110-й годовщине со дня рождения Джека Лондона почтовой марки с его портретом.

* * *

Последнему из живущих на свете людей, лично знавших писателя, его младшей дочери Бекки Лондон 84 года. Она подвижная, энергичная женщина. Аккуратно уложена шапка ее вьющихся совершенно седых волос. Мне удалось познакомиться с ней 12 лет назад в Окленде.

Это вторая наша встреча. Бекки приветливо улыбается мне как старому знакомому, в ответ на мои радостные восклицания говорит быстро-быстро. Улавливаю лишь одну фразу: «Машину уже не вожу — возраст!»

После смерти мужа ее в Окленде ограбили. Двое ворвались в дом, спасибо не убили. Поэтому она обрадовалась предложению Кингманов перебраться к ним в Глен-Эллен. Бекки помогает присматривать за магазином «Мир Джека Лондона», который принадлежит Рассу. Устраивает ее и близость ранчо, там она нет-нет да бывает. Участвует во всех мероприятиях, посвященных отцу в Калифорнии. Визиты в Мемориальный парк воскрешают ее детство и память о папе. Она нежно называет его «дэдди».

Речь Бекки тороплива, иногда прерывается смешком. Мне почти не приходится отключать магнитофон: «Мать читала нам с сестрой его рассказы, а потом, когда научилась, я сама постепенно перечитала все его произведения». У нее постоянно возникает желание вновь обращаться к его сочинениям: рассказам об Аляске, морским историям, особенно любит она книги о Калифорнии. Сильное впечатление на нее произвели «Железная пята» и «Лунная долина». Джек Лондон, подчеркивает Бекки, всегда был на стороне рабочих.

«Произведения папы раскрывают разные стороны его характера. Я много слышала о его популярности в России. Он был рабочим человеком, и вы много работаете. Он ценил труд. Простым людям он потому нравится, что разделял их чувства, взгляды. Это их привлекает. Некоторые

его персонажи из высших слоев общества нереальны, а моряки, горняки, рабочие, путешественники — их-то он знал и понимал.

Он был самоучкой и никогда не переставал учиться. Он запомнился мне с книгами в кармане. Даже в трамвае, когда мы куда-нибудь ехали, он прочитывал страницу-другую. Любил слушать рассказы бывалых людей, ведь радио тогда не было. Любил кино. Смотрел, как снимали фильм по его «Морскому волку». Обожал он животных: собак, лошадей, но не терпел кур. Да, прожил он мало».

Всего сорок лет было отпущено Джеку Лондону. И за эти короткие годы он успел необычайно много. Немало его сил ушло на то, чтобы из низов пробиться наверх, в литературу. Он путешествовал, боролся за социализм. Много и упорно работал, став знаменитым писателем. За 17 лет творческой деятельности оставил после себя более 50 ярких книг.

Джек Лондон как-то сказал: «Я скорее стал бы ослепительным метеором, чем сонной вечной планетой. Истинное назначение человека жить, а не существовать». Таким ярким был девиз его жизни.

Виль Быков

Игра

Глава первая

Перед ними на полу лежали раскатанные ковры всех цветов и узоров. На двух, брюссельских, они уже с самого начала остановили свой выбор, но манили и другие — яркие, пышные. Трудно было не поддаться соблазну, однако высокая цена пугала их. Заведующий отделом оказал им честь — сам занимался с ними; впрочем, она отлично знала, что делал он это не ради нее, а ради Джо,— недаром мальчишка-лифтер даже рот разинул и, пока они подымались на верхний этаж, не сводил с него восхищенного взгляда. С таким же благоговением смотрели на Джо ребята и подростки, когда ей случалось проходить с ним по улицам своего квартала, в западной части города.

Заведующего отделом позвали к телефону, и борьба между желанием купить ковер понаряднее и страхом истратить слишком много денег уступила в ее душе место другим, более тревожным сомнениям.

— Не могу понять, Джо, что ты в этом находишь хорошего,— сказала она негромко, но настойчиво, видимо продолжая недавний, ни к чему не приведший спор.

Его полудетское лицо омрачилось, но только на одно мгновение, и тут же снова просияло нежностью. Он был очень молод, почти мальчик, а она почти девочка — два юных создания на пороге жизни, выбирающие ковры для украшения своего гнездышка.

— Стоит ли волноваться? — сказал он.— Ведь это в последний раз, в самый, самый последний раз.

Он улыбнулся ей, но она подметила едва уловимый вздох сожаления, невольно вырвавшийся у него, и сердце ее сжалось; из чисто женской потребности нераздельно владеть своим возлюбленным она боялась его пристрастия к тому, что было ей непонятно, а в его жизни занимало такое большое место.

— Ты же знаешь, встреча с О'Нейлем оплатила последний взнос за дом моей матери,— продолжал он.— С этой заботой покончено. А за сегодняшнюю встречу с Понта я получу приз — сто долларов, понимаешь, целых сто долларов! Это пойдет нам на устройство.

Она отмахнулась от денежных расчетов.

— Но ты любишь этот свой ринг. Почему?

Он не мастер был выражать мысли словами. На работе руки заменяли ему слова, а на ринге за него говорило все его тело, игра мускулов,— но сам он не умел сказать, почему его так неудержимо влечет на ринг. Однако он попытался это сделать и нерешительно, сбивчиво начал объяснять, что́ испытывает он во время состязания, особенно в минуты наивысшего напряжения и подъема.

— Могу тебе сказать только одно, Дженевьева: лучше нет, как стоять на ринге и знать, что противник у тебя в руках. Вот он нацеливается, то правой, то левой, а ты каждый раз закрываешься, увертываешься. А потом так дашь ему, что он зашатается и обхватит тебя и не пускает, а судья оторвет его, и тогда ты можешь покончить с ним, а публика вопит, себя не помня, и ты знаешь, что победил, что дрался честно, по всем правилам, а победил потому, что лучше умеешь драться. Понимаешь, я...

Он запнулся, испуганный собственным многословием и страхом, промелькнувшим в глазах Дженевьевы. Слушая Джо, она пристально вглядывалась в него, и на ее лице все сильнее проступало выражение мучительной тревоги. Описывая ей эти величайшие минуты своей жизни, Джо мысленно видел перед собой сраженного его ударом противника, огни ринга, бешено аплодирующих зрителей,— и Дженевьева чувствовала, что Джо уходит от

нее, унесенный потоком этой непонятной ей жизни. Против этого грозного, неудержимого потока бессильна была вся ее беззаветная любовь. Тот Джо, которого она знала, отступил, растворился, пропал. Исчезло милое мальчишеское лицо, ласковый взгляд, изогнутая линия рта с приподнятыми уголками. Перед ней было лицо взрослого мужчины, лицо, словно отлитое из стали, застывшее и неумолимое; губы сомкнулись, как стальные створки капкана, широко раскрытые глаза глядели холодно и зорко, отсвечивая стальным блеском. Это было лицо мужчины, а она знала только лицо юноши. Таким она видела его впервые.

Ей стало страшно, и все же она смутно почувствовала, что гордится им. Его мужественность — мужественность самца-победителя — не могла не взволновать ее женское естество, не могла не разбудить в ней извечное стремление женщины найти надежного спутника жизни, опереться о каменную стену мужской силы. Она не понимала страсти, владевшей им, но знала, что даже любовь не излечит его; тем сладостней была мысль, что ради нее, ради их любви, он сдался, уступил ее желанию, отказался от любимого дела и сегодня выступает на ринге в последний раз.

— Миссис Силверстейн говорит, что терпеть не может бокса, что ничего хорошего в нем нет, — сказала Дженевьева.— А она женщина умная.

Он снисходительно улыбнулся, пряча уже не раз испытанную обиду: больно было сознавать, что Дженевьева не ценит именно те стороны его натуры и его жизни, которыми он сам больше всего гордился. На ринге он достиг успеха, славы, достиг своими силами, ценой напряженного труда, и именно это и только это он с гордостью положил к ногам Дженевьевы, когда добивался ее любви, когда предложил ей всего себя — все, что в нем было лучшего. В своем мастерстве боксера он видел величайший и прекраснейший залог мужественности, какого ни один мужчина не мог бы предъявить, и это, по его

мнению, давало ему право домогаться Дженевьевы и обладать ею. Но она не поняла его тогда и теперь не понимала, и он только удивлялся: что же она нашла в нем, почему удостоила его своей любви?

— Миссис Силверстейн просто дуреха и старая брюзга,— сказал он беззлобно.— Что она понимает? Поверь мне, в этом спорте очень много хорошего. И для здоровья полезно,— добавил он, подумав.— Посмотри на меня. Ведь я должен жить очень чисто, если хочу быть в форме. Я живу чище, чем миссис Силверстейн или ее старик и вообще все, кого ты знаешь. Я соблюдаю режим: ванны, массаж, тренировка, здоровая пища и никаких излишеств. Я не пью, не курю — словом, не делаю ничего такого, что могло бы повредить мне. Да я живу чище, чем ты, Дженевьева...— Заметив, что она обиженно поджала губы, он поспешил добавить: — Честное слово! Я же говорю не про мыло с водой, а вот посмотри,— он бережно, но крепко сжал ее руку повыше локтя,— ты вся мягкая, дряблая, не то, что я. На, пощупай.

Он прижал кончики ее пальцев к своему бицепсу, такому твердому, что она сморщилась от боли.

— И весь я такой,— снова заговорил он.— Твердый и упругий. Это я и называю чистый. Во мне нет ничего нечистого — ни одной жилки, ни капли крови, ни единого мускула; все чисто — до самых костей, и кости чистые. Это не то, что просто вымыться водой и мылом, это значит быть чистым насквозь. Уверяю тебя, я это чувствую, ощущаю всем телом. Когда я утром просыпаюсь и иду на работу, вся кровь моя, все жилки мои точно кричат, что они чистые. Ах, если бы ты знала...

Он умолк, оборвав на полуслове, окончательно смущенный столь необычным для него потоком красноречия. Никогда еще он не выражал свои мысли с таким волнением, но и столь серьезных причин для волнения у него никогда не было. Ведь Дженевьева неодобрительно отозвалась о боксе, осудила, отвергла этот спорт, прекраснее которого для Джо не было ничего на свете до само-

го того дня, когда он случайно забрел в лавку Силверстейна и образ Дженевьевы внезапно вошел в его жизнь, затмив все остальное. Он уже понимал, хоть и смутно, что есть какое-то непримиримое противоречие между женщиной и призванием, между любимым делом и тем, чего женщина требует от мужчины. Но он не умел делать отвлеченных выводов из своих наблюдений. Он видел только пропасть, которая легла между реальной, живой Дженевьевой и увлекательным, неповторимым миром, именуемым рингом. Дженевьева и ринг одинаково предъявляли на него права, тянули каждый в свою сторону; он разрывался между ними, но окончательного выбора не делал и беспомощно плыл по течению.

Дженевьева слушала взволнованные слова Джо, пристально глядела на него и невольно любовалась его чистым лицом, ясными глазами, гладкой и нежной, точно девичьей, кожей. Она не могла не признать убедительности его доводов, но это только сердило ее. Она безотчетно ненавидела бокс за то, что он отрывал от нее Джо, похищал какую-то часть его. Это был соперник, которого она не могла постичь, потому что не понимала, в чем его обаяние. Если бы между ними встала какая-нибудь другая девушка,— все было бы ясно, на помощь ей пришли бы знание, догадка, проницательность. Но здесь был враг неосязаемый, непостижимый, она ничего о нем не знала и боролась с ним ощупью, в потемках. Она чувствовала, что в словах Джо есть доля правды, и от этого враг казался еще более грозным.

Внезапно Дженевьеву охватило горестное сознание своего бессилия, жалость к самой себе; она хотела, чтобы Джо безраздельно принадлежал ей, этого требовала ее женская природа, а он отстранялся, выскальзывал из объятий, которыми она тщетно пыталась удержать его. Слезы выступили у нее на глазах, губы задрожали — и сразу поражение обратилось в победу: всемогущий Ринг отступил перед неодолимой силой женской слабости.

— Не надо, Дженевьева, не плачь — просил он пока-

ХАМЗА МАИШИЙ ХИЗМАТ КЎРСАТИШ КЎК

янно, хотя каяться ему было не в чем. Его мужской ум отказывался понять, чем вызвана такая вспышка горя, но она плакала — и все остальное было забыто.

Она улыбнулась ему сквозь слезы, и в ее глазах он прочел прощение, и, хотя не знал за собой вины, сердце его растаяло. Он хотел сжать ее локоть, но она отняла руку и чинно выпрямилась. Однако улыбка еще ярче засияла на ее лице.

— А вот и мистер Клаузен,— сказала она и, с чисто женским искусством скрывая волнение, взглянула на заведующего отделом сухими, ясными глазами.

— Вы, верно, заждались меня, Джо? — сказал заведующий, подвижный румяный человечек с маленькими веселыми глазками и густыми солидными бакенбардами.— Ну так как же? — оживленно заговорил он.— На чем вы остановились? Нравится вам этот коврик? Миленький рисуночек, не правда ли? Да, да, я все понимаю. Сам обзаводился домиком, когда получал всего четырнадцать долларов в неделю. Но ведь хочется самое лучшее для своего гнездышка, верно? Ну конечно, еще бы! А ведь всего-то на семь центов дороже. И опять-таки, имейте в виду, дорогую вещь всегда выгодней покупать, чем дешевую. Знаете что, Джо,— заведующий в порыве великодушия доверительно понизил голос,— я пойду вам навстречу, но это только для вас: я готов скинуть пять центов. Но очень, очень прошу,— добавил он с видом заговорщика,— никому не говорите, сколько вы заплатили.

После того как Джо и Дженевьева, посовещавшись, объявили о своем решении, заведующий сказал:

— Все будет запаковано, обшито и доставлено вам на дом,— это, само собой, входит в оплату. Ну а когда новоселье? Скоро вы расправите крылышки и улетите? Завтра? Уже завтра! Чудесно, чудесно! — Он закатил глаза от восторга, потом с отеческой нежностью улыбнулся им.

Джо сдержанно отвечал на вопросы заведующего, а Дженевьева слегка покраснела; им обоим этот разговор

показался неуместным. Не потому, что он нарушал мещанские представления о приличиях, но он касался их личных, сокровенных чувств; против поведения заведующего восставали стыдливость и целомудрие, присущие рабочему человеку, когда он стремится к достойной жизни и нравственной чистоте.

Мистер Клаузен проводил их до лифта, сладко улыбаясь и поглядывая на них с благосклонным умилением, меж тем как все приказчики, словно по команде, поворачивали голову и смотрели вслед стройной фигуре Джо.

— А сегодняшняя встреча, Джо? — озабоченно спросил мистер Клаузен, пока они дожидались лифта.— Как ваше самочувствие? Справитесь?

— Не сомневаюсь,— отвечал Джо.— Самочувствие отличное.

— В самом деле? Превосходно! Я, видите ли, подумал было... накануне свадьбы, и все такое... ха! ха! можно и сдать немного... нервы опять-таки. Ничего удивительного, сам был женихом когда-то. Но вы в форме? Ну ясно, незачем и спрашивать, и так видно... Ха! ха! Ну, желаю удачи, сынок! Не сомневаюсь в успехе, ни капельки не сомневаюсь. Ваша возьмет!

— До свидания, мисс Причард,— обратился он к Дженевьеве, галантно подсаживая ее в лифт.— Не забывайте нас. Всегда буду вам рад, искренне рад.

— Все называют тебя «Джо»,— укоризненно сказала она, спускаясь с ним в лифте.— Почему не «мистер Флеминг»? По-моему, это как-то даже неприлично.

Но он задумчиво уставился на мальчишку-лифтера и, видимо, не слушал ее.

— Что с тобой, Джо? — спросила она с той нежной лаской в голосе, которая всегда обезоруживала его.

— Так, ничего,— ответил он.— Просто я думал о том, как мне хотелось бы...

— Хотелось бы... чего? — Голос ее звучал вкрадчиво, а глаза глядели так проникновенно, что никто не устоял

бы перед ее взором, но Джо все еще смотрел в сторону.

Потом, решительно взглянув ей в лицо, он проговорил:

— Мне хотелось бы, чтобы ты хоть раз увидела меня на ринге.

Она с отвращением передернула плечами, и его лицо омрачилось. Ее кольнула мысль, что грозный соперник стал между ними и увлекает Джо прочь от нее.

— Я... я с удовольствием...— торопливо проговорила она, делая над собой усилие и пытаясь выказать ему то горячее сочувствие, которым женщина побеждает даже сильнейших мужчин.

— Правда? Ты согласна? — Джо пристально посмотрел ей в глаза.

Дженевьева поняла его волнение: он словно бросал ей вызов, измерял силу ее любви.

— Это была бы самая счастливая минута моей жизни,— сказал он просто.

Что заставило Дженевьеву принять это внезапное решение? Прозорливость любящего сердца, нежелание отказать Джо в сочувствии, которого он у нее искал, потребность увидеть соперника лицом к лицу, чтобы понять, в чем его сила? Или, быть может, властный зов неведомого мира вторгся в тесные пределы ее однообразной, будничной жизни? Так или иначе, но она почувствовала прилив неизведанной доселе отваги и сказала так же просто, как и он:

— Согласна.

— Я не думал, что ты согласишься, а то, пожалуй, не рискнул бы просить тебя,— сознался он, когда они вышли из магазина.

— А разве нельзя? — спросила она с тревогой, боясь, как бы ее решимость не остыла.

— Да нет, я могу это устроить. Но я никак не думал, что ты согласишься, никак не думал,— все еще не оправившись от изумления, повторил он, уже подсадив ее в трамвай и доставая из кармана мелочь на билеты.

Глава вторая

В среде тружеников, к которой принадлежали Дженевьева и Джо, они были своего рода аристократами. Они сумели сохранить душевное здоровье и чистоту, вопреки окружавшим их убожеству и грязи. Сильно развитое чувство собственного достоинства, тяга к благопристойному, более утонченному укладу жизни заставляла их чуждаться людей своего круга. Они не легко заводили знакомства, и ни он, ни она никогда не имели близкого, закадычного друга, с которым делишься всем. А между тем оба они были общительного нрава и не сходились ни с кем только потому, что дружба с людьми казалась им несовместимой с чистотой и добропорядочностью.

Трудно было бы найти другую работницу, которая жила бы такой замкнутой, обособленной от внешнего мира жизнью, как Дженевьева. Грубость, даже жестокость окружающей среды не коснулись ее. Она видела лишь то, что хотела видеть,— а хотела она видеть только хорошее,— и закрывала глаза на все уродливое и пошлое, делая это безотчетно, без всяких усилий. К уединению она привыкла с малых лет. Дженевьева была единственным ребенком в семье, и, вместо того чтобы играть и резвиться на улице с соседскими детьми, она ухаживала за больной матерью. Отец — конторский служащий, слабогрудый, худосочный — был человек очень добрый и большой домосед, так как по врожденной робости всегда чуждался людей. Благодаря ему в их маленьком семействе всегда царили мир и ласковое внимание друг к другу.

В двенадцать лет Дженевьева осиротела. Прямо с похорон отца она пошла к Силверстейнам и поселилась в их квартире над кондитерской; старики обходились с ней хорошо, кормили и одевали, а она помогала им за прилавком. Силверстейны особенно дорожили Дженевьевой потому, что она могла сидеть в лавке по субботам, когда их вера запрещала им работать.

И здесь, в этой скучной лавчонке, протекли шесть лет

ее отрочества. Знакомых у нее почти не было. Подруг Дженевьева не заводила,— она так и не встретила девушки, с которой ей хотелось бы сойтись. Гулять по вечерам с парнями своего квартала, как это делали все девчонки, едва им минет пятнадцать лет, она тоже не желала.

«Вот кукла надутая»,— говорили про нее девушки, но все же относились к Дженевьеве с уважением, хотя и недолюбливали ее за красоту и высокомерие. «Персик» — называли ее молодые люди, но лишь втихомолку, когда поблизости не было подружек, чей гнев они боялись на себя навлечь; никому из них и в голову не приходило знакомиться с Дженевьевой,— они смотрели на нее с благоговейным трепетом, как на высшее существо, наделенное таинственным и неприступным очарованием.

Дженевьева и в самом деле была красавица. Коренная американка, она, как это иногда случается в рабочей среде, неожиданно расцвела, словно прелестный редкостный цветок, чудом выросший на скудной, негостеприимной почве. Все в ней было прелестно: и нежный румянец, заслуживший ей прозвище «персик», и правильные точеные черты, и девичья грация. Голос у нее был тихий, движения неторопливые, держалась она просто и с большим достоинством; обладая врожденным вкусом, она умела принарядиться, и все, что бы она ни надела, казалось красивым и шло к ней. И притом она была очень женственна, кротка и привязчива, и в ней уже угадывалось тлеющее пламя любви будущей жены и матери. Но эти затаенные чувства долгие годы дремали в ее душе, дожидаясь появления избранника.

И вот однажды, жарким субботним днем, в кондитерскую Силверстейна зашел Джо поесть мороженого. Дженевьева не обратила на него внимания, так как была занята с другим покупателем: мальчуган лет шести-семи стоял перед прилавком и, боясь ошибиться в выборе, сосредоточенно изучал разложенные под стеклом чудеса кондитерского искусства, увенчанные соблазнительной надписью: «Пяток за пять центов».

Она слышала, как вошедший сказал: «Мороженое с содовой, пожалуйста», и спросила: «Какого мороженого вы хотите?», так и не взглянув на посетителя. Вообще не в ее обычае было присматриваться к молодым людям. Ей чудилось в них что-то странное и непонятное. От их взглядов ей почему-то становилось не по себе; к тому же они казались ей грубыми и неотесанными, и это отталкивало ее. До сих пор ни один мужчина не поразил воображения Дженевьевы. Молодые парни, которых ей приходилось видеть, ничем ее не привлекали, она просто не замечала их. Словом, если бы Дженевьеву спросили, для чего на земле существуют мужчины, она не нашлась бы, что ответить.

Накладывая в стаканчик мороженое, она случайно взглянула на Джо, и ей сразу понравилось его лицо. Почти в то же мгновение он посмотрел на нее, и она, опустив глаза, подошла к сифону с содовой. Наполняя бокал, Дженевьева опять невольно оглянулась на молодого человека, но только на одну секунду, потому что взгляд его искал ее взгляда, а на лице было написано столь неподдельное восхищение, что Дженевьева поспешила отвернуться.

Ее удивило, что какой-то чужой мужчина может так понравиться ей. «Хорошенький мальчик»,— подумала она простодушно, безотчетно пытаясь отмахнуться от притягательной силы, которую трудно было объяснить одной приятной наружностью. «Впрочем, нет, он вовсе не хорошенький»,— сказала она себе, когда, поставив перед ним мороженое и получив в уплату монетку, в третий раз встретилась с ним глазами. Запас слов у нее был небольшой, и она не слишком хорошо умела их подбирать, но, вглядевшись в энергичное, мужественное лицо молодого человека, она поняла, что «хорошенький» — не то слово.

«Значит, он красивый»,— догадалась она, снова опуская глаза под его взглядом. Но всех мужчин, которые были хороши собой, называли красивыми, и это слово тоже не понравилось ей. Однако, как бы его ни назвать,

смотреть на него было приятно, и Дженевьева не без досады заметила, что ей стоит усилий не глядеть в его сторону.

А Джо? Никогда еще не видел он такой красивой девушки, как эта продавщица за прилавком. Будучи более сведущ в законах природы, чем Дженевьева, он, не задумываясь, ответил бы на вопрос, для чего на земле существуют женщины, однако в своем представлении о мире он не отводил им никакого места. Женщины занимали его не больше, чем мужчины занимали Дженевьеву. Он никогда не думал, что женщина может быть так прекрасна; словно зачарованный, смотрел он на Дженевьеву, но когда их взгляды встречались, ему становилось не по себе и хотелось отвернуться, но она сама мгновенно опускала глаза.

Когда же она наконец медленно подняла ресницы и поглядела на него в упор,— не она, а он первый отвел глаза; не ее, а его щеки залила краска смущения. Если Дженевьева и испытывала некоторое волнение, она ничем не выдала себя. Правда, сердце у нее замирало от какого-то нового, еще никогда не изведанного чувства, но внешне она сохранила обычную невозмутимость. Джо, напротив, был явно растерян и трогательно неловок.

Ни он, ни она не знали, что такое любовь, и только чувствовали неодолимое желание смотреть друг на друга. Оба были смущены и взволнованы, какая-то таинственная сила неудержимо и властно влекла их друг к другу, словно два химических элемента, стремящихся к соединению. Джо долго сидел над стаканом с мороженым, вертел в руках ложечку, краснел и бледнел, не в силах уйти; она говорила с ним тихим нежным голосом, скромно опуская глаза, и совсем околдовала его.

Но нельзя же до бесконечности сидеть над стаканом с мороженым, а спросить еще порцию он не решился. И так он ушел и зашагал по улице, ничего не видя вокруг, точно лунатик, а она осталась в лавке, грезя наяву. Дженевьева промечтала весь день до вечера и поняла,

что влюбилась. С Джо было иначе. Он знал только, что ему хочется еще раз увидеть ее, посмотреть ей в лицо, ни о чем другом он не думал,— да и это в сущности было не мыслью, а лишь смутным, неосознанным желанием.

Но желания этого Джо побороть не мог, день и ночь оно преследовало его: тесная кондитерская и девушка за прилавком неотступно стояли у него перед глазами. Он старался отогнать это видение. Ему было и страшно и стыдно зайти еще раз в кондитерскую, он хитрил с самим собой и утешался тем, что он «не дамский угодник». Не раз и не два — десятки раз твердил он про себя эти слова, но все было тщетно: не прошло и трех дней, как он вечером, после работы, снова заглянул в кондитерскую Силверстейнов. Он постарался войти очень свободно и естественно, но видно было, что ноги ему не повинуются, и только огромным усилием воли он заставил себя переступить порог. Робость, неловкость сковали его еще сильнее, чем в первое посещение. Дженевьева, напротив, казалась такой же спокойной, как всегда, хотя сердце у нее бешено колотилось. У Джо язык прилип к гортани, он едва мог выговорить: «Пожалуйста, мороженое с содовой». Отчаянно торопясь, то и дело поглядывая на часы, он проглотил свою порцию и обратился в бегство.

Дженевьева чуть не заплакала от обиды. Какая жалкая награда за четыре дня ожидания! А ведь она уверила себя, что влюблена. Конечно, он славный мальчик, очень даже славный, но неужели он не мог посидеть еще немножко? А Джо не успел дойти до угла, как его снова потянуло к ней. Ему захотелось еще раз увидеть ее. Он не задумывался над тем, влюблен ли он. Любовь? Это — когда парни и девушки вместе гуляют. А он... Но тут желание видеть Дженевьеву подсказало ему, что именно этого и нужно добиваться: он хочет быть с ней, смотреть на нее, а когда же это можно сделать лучше, как не во время прогулки вдвоем? Так вот почему молодежь гуляет парочками! И чем ближе подходила суббота, тем чаще

эта мысль мелькала в его уме. Раньше он думал, что такие прогулки просто условность, что-то вроде обряда, который предшествует бракосочетанию. Теперь он понял более глубокий смысл этого обычая, сам стремился перенять его и пришел к заключению, что влюблен. Итак — единодушие было достигнуто и развязка предрешена: к великому изумлению всего квартала Дженевьева вышла на прогулку в сопровождении Джо.

Оба они были скупы на слова, и потому сближение их протекало медленно. На его ухаживание она отвечала сдержанно, и только глаза ее сияли любовью. Впрочем, она стыдливо погасила бы и этот предательский огонек, если бы знала, что он красноречивее слов выдает ее чувства. Не скоро начали они называть друг друга «дорогой», «любимая»,— такое обращение казалось им чудовищно нескромным; да и позднее Джо и Дженевьева, не в пример другим влюбленным, не злоупотребляли признаниями в любви. Долгое время они довольствовались тем, что гуляли вдвоем по вечерам или сидели на скамейке в городском саду. Говорили они мало; им случалось по часу не перемолвиться ни словом,— они только глядели друг другу в глаза, не испытывая при этом ни робости, ни тревоги, потому что при слабом свете звезд не могли прочесть во взглядах ничего, что нарушило бы их душевный покой.

Ни один рыцарь не мог бы оказывать своей даме больше внимания, чем Джо оказывал Дженевьеве. Когда они шли по улице, он неуклонно держался края тротуара,— где-то он слышал, что так полагается,— а перейдя на другую сторону улицы, тотчас обходил Дженевьеву сзади и опять шел с краю. Он носил ее свертки и однажды, когда они гуляли в ненастную погоду, даже взял у нее из рук зонтик. Он не знал, что существует обычай посылать даме своего сердца цветы, и вместо цветов посылал фрукты. В фруктах он видел пользу — они вкусные. О цветах он ни разу не подумал, пока не увидел розу в ее волосах. Он не мог оторвать глаз от бледно-

алого цветка, потому что он украшал головку Дженевьевы, потому что она сама выбрала его и воткнула в волосы. Это заставило его пристально разглядывать розу, и он вдруг увидел, сколько в ней красоты. Его искреннее восхищение цветком сливалось с восторгом перед красотой Дженевьевы; любовный трепет с новой силой охватил влюбленных благодаря бледной розе в ее волосах. Отныне не было более страстного любителя цветов, чем Джо. И он сделал открытие, изобрел новый знак рыцарского внимания: послал Дженевьеве пучок фиалок. Это была его собственная идея. Он никогда не слышал о том, чтобы мужчины посылали женщинам цветы, до сих пор он думал, что цветы нужны только для украшения комнат да на похоронах. Он почти ежедневно посылал Дженевьеве цветы, в полном убеждении, что до него такая мысль никому не приходила в голову и это открытие по праву принадлежит ему одному.

Он преклонялся перед Дженевьевой, благоговел перед ней, и она с неменьшим благоговением принимала его любовь. Для него она была сама чистота, само добро, святая святых, которую страшно оскорбить даже чрезмерным обожанием. Никого равного ей он не знал; она ничем не походила на других девушек. Ему дико было подумать, что она может иметь что-нибудь общее с его сестрами или с чьей-либо сестрой. Она была больше, чем красивая девушка, больше, чем женщина. Она... словом, она была Дженевьева — существо высшей породы, неповторимое чудо творения.

Почти так же смотрела и Дженевьева на своего возлюбленного. Правда, ей случалось в каких-нибудь мелочах осуждать его,— в то время как он в своем слепом преклонении никогда не осмеливался даже судить о ней,— но когда она думала о нем, все мелочи забывались и он казался ей совершенством; в нем заключался весь смысл ее жизни, и ради него она готова была умереть, как готова была жить для него. В пылких мечтах она видела себя умирающей, жертвующей жизнью ради него, и своей

смертью она выказала бы ему всю силу своей любви лучше, полнее, чем она могла это сделать в жизни.

Любовь их была как пламя и как утренняя роса. Желаний они почти не знали,— это казалось им кощунством. О физической близости, к которой могла бы привести их любовь, они не смели и помыслить. Но их безотчетно влекло друг к другу, они познали радость легкого прикосновения к руке или к плечу, мимолетного рукопожатия, беглого поцелуя, волнующей ласки ее волос на щеке, ее пальцев, откидывающих его кудри со лба. Все это они испытали, и хотя не могли бы объяснить почему, но в этой потребности коснуться друг друга, приласкать друг друга им смутно чудилось что-то греховное.

Иногда Дженевьеве хотелось обнять Джо, прижаться к нему, дать полную волю своей любви, но каждый раз ее удерживал благочестивый страх. В такие минуты ее мучило сознание, что в ней гнездится какой-то неведомый ей, но тяжкий грех. Конечно, дурно, очень дурно, что ей хочется броситься на шею своему возлюбленному. Ни одна уважающая себя девушка на это не решится, такие желания недостойны женщины. К тому же, если бы она это сделала, что бы он подумал о ней? Стоило ей только вообразить себе такую ужасную картину, как она внутренне вся съеживалась и корчилась, сгорая от тайного стыда.

Но и Джо не избежал непонятных ему порывов,— и самым непонятным из них было острое желание причинить Дженевьеве боль. Когда он долгим и извилистым путем завоевал наконец право обнять свою подругу за талию, он только усилием воли заставил себя не сжать ее изо всех сил, так, чтобы она закричала от боли. Жестокая потребность причинять кому-нибудь боль была чужда ему. Даже на ринге он никогда не наносил удара с такой целью: там он был участником состязания, и от него требовалось сделать так, чтобы противник упал и в течение десяти секунд не мог подняться на ноги. И Джо никогда не бился только из желания причинить боль.

Правда, это оказывалось неизбежным для достижения цели, однако сама цель была иной. Но здесь, сидя рядом с любимой, Джо испытывал желание сделать ей больно. Почему, когда он двумя пальцами охватывал ее запястье, ему хотелось сдавить его так, чтобы хрустнули кости? Этого он не мог понять и сокрушался о том, что где-то в недрах его души таятся жестокие инстинкты, о которых он и не подозревал.

Однажды, прощаясь с ней, он обнял ее и порывисто прижал к себе. Испуганный и жалобный возглас Дженевьевы образумил его, и он разжал руки; ему было очень стыдно, но, вопреки стыду, его пронизывала дрожь неизъяснимого счастья. То же испытала и Дженевьева. Когда Джо сдавил ее своими сильными руками, первым и самым острым ощущением была физическая боль, но боль эта показалась ей сладостной; и опять она почувствовала раскаяние: она знала, что согрешила, хотя не понимала, чем она грешна и почему считает себя грешницей.

Очень скоро, почти в самом начале их знакомства, старик Силверстейн застал в своей кондитерской Джо и в изумлении вытаращил на него глаза. А после ухода юноши миссис Силверстейн дала волю своим материнским чувствам и разразилась проклятиями по адресу боксеров вообще и Джо Флеминга в частности. Тщетно Силверстейн пытался унять разгневанную супругу,— ведь она только и могла, что изливать свой гнев: в удел ей достались все материнские чувства, но материнских прав она не имела.

Дженевьева, ошеломленная потоком брани, лившимся из уст старой еврейки, не вслушивалась в ее обвинения и проклятия,— она поняла только одно, и это открытие сразило ее: ее возлюбленный — не кто иной, как Джо Флеминг, знаменитый боксер! Это было отвратительно, немыслимо, это было так нелепо, что она отказывалась верить! Ее Джо, с ясными глазами, с нежным румянцем на щеках, мог оказаться кем угодно, но только не бок-

сером. Она никогда не видела этих людей, но в ее представлении между ними и Джо не было решительно ничего общего. Дженевьева всегда думала, что боксер — грубое животное с глазами тигра и низким, как у обезьяны, лбом. Разумеется, она слышала о Джо Флеминге,— кто же в Западном Окленде не знал его? Но ей никогда не приходило на ум, что это и есть ее Джо.

Когда Дженевьева опомнилась после первого страшного удара, она услышала истерический крик миссис Силверстейн: «Нашла себе компанию — профессиональный боксер!» Потом супруги Силверстейн заспорили: муж говорил, что Джо завоевал громкую славу, а жена возражала, что слава бывает разная — и добрая и дурная.

— Джо хороший мальчик,— настаивал Силверстейн,— он зарабатывает много денег и бережет их.

— Что ты мне рассказываешь! — кричала миссис Силверстейн.— Много ты знаешь! Уж лучше молчал бы. Сам тратишь деньги на этих паршивых боксеров. Откуда ты знаешь? Нет, скажи — откуда?!

— А вот знаю,— стойко отвечал старик. Дженевьева впервые видела, чтобы он осмелился возражать жене, если та разбушуется.— Когда отец его умер, Джо пошел работать на склад к Хэнзену. Кроме него в семье еще шестеро детей. И мальчик был для них вместо отца. Он работал и работал. И хлеб и мясо им покупал и за квартиру платил. По субботам приносил домой десять долларов. Потом Хэнзен положил ему двенадцать долларов. И что же Джо с ними делал? Все приносил домой матери. И все работал и работал. Хэнзен положил ему двадцать долларов. Что же делает Джо? Приносит деньги домой. Маленькие братья и сестры ходят в школу, носят хорошее платье, кушают мясо и хлеб, а мать живет в полном довольстве, и в глазах у нее радость, и она гордится своим сыном Джо, потому что он очень хороший мальчик.

А какой он красавец, как сложен! Ах ты, боже ж ты мой! Он сильнее быка, проворней тигра, а голова

ясная, холодная глаза быстрые, все видят,— так и стреляет ими. Он бился с парнями на складе Хэнзена, а потом с парнями из магазина, а потом в клубе и там нокаутировал Спайдера — в один момент: раз и готово! А приз — пять долларов! И что же он сделал? Принес деньги домой и отдал матери.

Он стал часто выступать в клубах; все призы брал — десять долларов, пятьдесят, сто долларов. И что же он сделал, как ты думаешь? Бросил службу у Хэнзена? Начал кутить с приятелями? Ничего подобного! Он хороший мальчик — работает, как работал; а вечером — бокс в клубе. И вот он мне говорит: «Силверстейн, говорит, чего ради я плачу за квартиру?» Что я ему ответил — это неважно, но он пошел и купил хорошенький домик для своей матери. И все работал и работал у Хэнзена, а по вечерам выступал в клубе, чтобы оплатить домик. Купил сестрам рояль, купил ковры на стены, повесил картины. И еще скажу — он честный боксер; он ставит на самого себя — это верный признак, если боксер ставит на самого себя; вот тогда-то и надо делать на него ставку...

Но тут миссис Силверстейн застонала от ужаса и отвращения ко всякому азарту, а ее муж, спохватившись, что собственное красноречие завело его слишком далеко, принялся клятвенно уверять разъяренную супругу, что он в большом выигрыше.

— И этим я обязан Джо Флемингу,— заключил он.— Я всегда ставлю на него и всегда выигрываю.

Но Дженевьева и Джо самой природой были созданы друг для друга, и ничто, даже это страшное открытие, не могло разлучить их. Тщетно Дженевьева пыталась ожесточиться против Джо,— ей приходилось бороться со своей любовью, а не с ним. С удивлением замечала она, что находит тысячу причин, оправдывающих Джо, что он все так же дорог ей. Тогда она, чисто по-женски, решила войти в его жизнь, повернуть его судьбу по-своему; их общее будущее рисовалось ей в радужном свете. И она не замедлила одержать первую блестящую победу:

Джо уступил ее просьбам и дал ей слово отказаться от бокса!

Как всякий мужчина, одержимый любовной мечтой, Джо, стремясь к обладанию бесценным, неземным предметом своих желаний, не устоял перед Дженевьевой. И все же, даже в ту минуту, когда он давал ей слово, он смутно, в самой глубине души, чувствовал, что покинуть ринг для него невозможно: где-то, когда-то, быть может не скоро, но он вернется на ринг непременно. И перед его мысленным взором мгновенно промелькнули мать, братья и сестры, их многочисленные нужды, налоги, дом, который постоянно требует покраски и побелки, дети, которых родит ему Дженевьева,— и сумма его жалованья на складе Хэнзена. Но он тотчас отогнал от себя эту мрачную картину, отмахнулся, как всегда бывает в таких случаях, от предостерегающего голоса рассудка. Он видел одну только Дженевьеву, чувствовал только, что его влечет к ней, что всем существом своим он жаждет ее любви и, не задумываясь, подчинился ее воле; а она, тоже не задумываясь, присвоила себе власть над его жизнью и действиями.

Ему было двадцать лет, ей — восемнадцать,— юная чета, созданная для продолжения рода. И когда они, цветущие, крепкие, с румянцем здоровья на щеках, шли рядом, то даже в незнакомой воскресной толпе на берегу бухты все взоры обращались на них. Мужественная красота Джо не уступала ее девичьей прелести; ее грация была под стать его силе, изящество и нежность сложения — его стройной мускулистой фигуре. Не одна женщина, стоявшая много выше Джо на общественной лестнице, заглядывалась на его открытое простодушное лицо с широко расставленными ярко-синими глазами. Сам он не замечал этих взоров, не видел их почти матерински ласкового призыва. Но Дженевьева видела и понимала; и при мысли, что он принадлежит ей, что он в ее власти, бурная радость охватывала ее. Нельзя сказать, чтобы Джо не замечал взглядов, которые мужчины бросали на Дже-

невьеву,— эти взгляды даже сердили его, но сама Дженевьева несравненно лучше, нежели он, понимала их смысл.

Глава третья

Дженевьева надела башмаки Джо на тонкой подошве и, заливаясь смехом, вытянула ноги, а Лотти, тоже весело хохоча, нагнулась, чтобы подвернуть ей штанины. Лотти, сестра Джо, была посвящена в их тайну; это она уговорила мать пойти в гости к соседям, и теперь весь дом был в их распоряжении. Обе девушки спустились вниз на кухню, где их поджидал Джо. Он вскочил, увидев Дженевьеву, и лицо его просияло любовью и счастьем.

— Скорей, Лотти, подбери ей юбку,— крикнул он.— Надо поторапливаться. Так хорошо, сойдет. Видны будут только края брюк; пальто все прикроет. Сейчас посмотрим, как это получится. Я взял пальто у Крисса. Славный малый! А уж ловок, ой-ой! Маленький такой, проворный,— продолжал Джо, надевая на Дженевьеву пальто; оно доходило ей до пят, но в общем пришлось впору,— насколько девушке может быть впору мужское пальто.

Джо надел ей на голову кепку и поднял воротник. Он был так широк, что доходил до края кепки, и под ним исчезли волосы Дженевьевы. Когда Джо застегнул крючок, концы вортника закрыли щеки, рот и подбородок Дженевьевы и, только приглядевшись, можно было различить затененные козырьком глаза и чуть белевший нос. Она прошлась по комнате, но и при ходьбе из-под пальто виднелись лишь края штанин.

— Любитель бокса, который схватил насморк и кутается, чтобы не стало хуже,— сказал Джо и засмеялся, с гордостью любуясь делом своих рук.— А у тебя есть деньги? Я держу десять против шести. Хочешь поставить против фаворита?

— А это на кого? — спросила Дженевьева.

— На Понта, разумеется,— с обидой в голосе ответила Лотти, давая понять, что тут никаких сомнений быть не может.

— Да, конечно,— кротко сказала Дженевьева.— Я ведь ничего в этом не смыслю.

Лотти не ответила, но по ее лицу было видно, что эти слова Дженевьевы показались ей еще обиднее. Джо посмотрел на часы и объявил, что пора отправляться. Лотти обняла брата и крепко поцеловала в губы; потом она поцеловалась с Дженевьевой. Джо обнял сестру за талию, и она проводила их до калитки.

— Что это значит — десять против шести? — спросила Дженевьева, когда они вышли на улицу; шаги их гулко отдавались в морозном воздухе.

— Это значит, что я фаворит,— ответил Джо.— Вот зрители на ринге и держат пари на десять долларов, что я выиграю встречу, а другие держат пари на шесть долларов, что я проиграю.

— Но если ты фаворит и все уверены, что ты выиграешь, то почему же держат пари против тебя?

— Так на то же и состязание,— засмеялся Джо.— Мнения расходятся. А кроме того, всегда есть надежда на меткий удар, на нечаянную удачу. Мало ли что может случиться,— добавил он серьезно.

Она вся сжалась от страха, потом схватилась за него, словно хотела защитить от опасности, но он весело засмеялся и опять заговорил уверенно и бодро:

— Погоди, погоди, сама увидишь. Ты только не пугайся вначале. Первые раунды будут свирепые — это сильная сторона Понта. Он напористый, просто не человек, а вихрь, так и молотит кулаками — и побеждает противника в первых раундах. Так он нокаутировал многих боксеров, которые выше его по классу. Мое дело выдержать его натиск, только и всего. А потом он выдохнется. И вот тут-то я возьмусь за него. Следи хорошенько, ты поймешь, когда я начну наступать. Он от меня не уйдет.

Они подошли к зданию, стоявшему на углу неосвещенной улицы; здесь якобы помещался спортивный клуб, на самом же деле происходили только призовые состязания по боксу с разрешения местной полиции. Джо, оставив Дженевьеву, первым вошел в подъезд, она последовала за ним.

— Только не вынимай рук из карманов,— предостерег ее Джо,— и все сойдет отлично. Каких-нибудь пять минут.

— Он со мной,— сказал Джо швейцару, разговаривавшему с полисменом.

И швейцар и полисмен дружески кивнули Джо, не обращая никакого внимания на его спутника.

— Они не догадались, и никто не догадается,— шепнул он Дженевьеве, когда они подымались по лестнице на второй этаж.— А если кому что покажется, все равно ради меня молчать будет. Да и как узнать, кого я привел? Сюда, вот сюда!

Он отворил дверь в тесную комнату — по всей видимости, конторское помещение, усадил Дженевьеву на пыльный стул с продавленным сиденьем и ушел. Через несколько минут он вернулся в длинном купальном халате и парусиновых башмаках. Дженевьева, дрожа от страха, прильнула к нему. Он нежно обнял ее одной рукой.

— Не бойся, Дженевьева,— сказал он ободряюще.— Я все устроил. Никто не узнает.

— Я за тебя боюсь, Джо,— проговорила Дженевьева.— Мне все равно, что будет со мной. Я боюсь за тебя.

— Все равно, что будет с тобой? А я думал, именно это тебя тревожит!

Он смотрел на нее с изумлением, пораженный этим новым, ярчайшим свидетельством величия женской души, хотя Дженевьева уже не раз восхищала его чуткостью и глубиной своих чувств. С минуту он не мог вымолвить ни слова, потом проговорил, запинаясь от волнения:

— За меня боишься? И тебе все равно, что могут про

тебя подумать? Ни о чем, кроме меня, не заботишься? Ни о чем?

Громкий стук в дверь и зычный окрик: «Где ты там прохлаждаешься!» — вернули Джо к действительности.

— Скорей, Дженевьева, поцелуй меня еще раз,— прошептал он проникновенно.— Сегодня моя последняя встреча, и я буду биться, как еще никогда не бился: ведь ты увидишь меня на ринге!

Минуту спустя, все еще чувствуя на губах прикосновение его горячих губ, Дженевьева очутилась в кучке толкающихся молодых людей; никто, казалось, не замечал ее. Некоторые были без пиджаков, в рубашках с засученными рукавами. Окружив Дженевьеву, они вместе с ней вошли в зрительный зал через задние двери и медленно зашагали по боковому проходу.

Полутемный зрительный зал, сильно смахивавший на сарай, был переполнен; в густых клубах табачного дыма лишь смутно виднелись люди и предметы. Дженевьеве казалось, что она сейчас задохнется. В зале стоял глухой гул мужских голосов, в который врывались пронзительные крики мальчишек — продавцов афиш и содовой воды. Кто-то предлагал пари — десять против шести — за Джо Флеминга. Голос звучал монотонно, безнадежно. И Дженевьева с гордостью подумала: еще бы, кто же решится ставить против ее Джо!

Но не одна гордость за Джо волновала ее. Воображение у нее разыгралось, когда она проникла в этот вертеп, куда женщины не допускались. Что могло быть увлекательней такого приключения? Все здесь неизведанно, таинственно, жутко. К тому же она впервые в жизни отважилась на такой дерзкий поступок, впервые переступила узкие границы благопристойности, установленные самым беспощадным из тиранов — судом кумушек рабочего квартала. Дженевьеве стало страшно, страшно за себя, хотя минуту назад она думала только о Джо.

Дженевьева не заметила, как дошла до другого конца зала и, поднявшись на несколько ступенек, очутилась в

маленькой уборной. Здесь тоже было полно мужчин, и Дженевьева решила, что все они так или иначе причастны к рингу. Тут Джо покинул ее. Но не успела она испугаться за свою дальнейшую судьбу, как один из ее спутников грубовато сказал ей: «Эй, ты, иди за мной!» Протиснувшись следом за ним к двери, она увидела, что еще один телохранитель идет позади.

Они вышли на какие-то подмостки, где зрители сидели в три ряда, и тут Дженевьева впервые бросила взгляд на ринг. Она стояла на одном уровне с площадкой, и так близко, что могла бы коснуться рукой натянутых вокруг нее канатов. Пол был покрыт брезентом. За рингом и по обе стороны его Дженевьева, словно в тумане, увидела переполненный зал.

Уборная, из которой она вышла, помещалась напротив одного из углов ринга. Пробравшись вместе со своим проводником по рядам, она вошла в такую же тесную уборную, примыкавшую к другому углу ринга.

— Сиди тут смирно и не шуми, пока я не приду за тобой,— сказал молодой человек, указывая на отверстие, проделанное в стене.

Глава четвертая

Она кинулась к глазку и увидела прямо перед собой ринг. Он весь был как на ладони. Только часть зрительного зала была ей не видна. Над площадкой ярко горел пучок газовых рожков. На помосте, в первом ряду, вдоль которого она только что пробиралась, сидели люди с карандашами и блокнотами. Дженевьева поняла, что это репортеры местных газет; один из них жевал резинку. Остальные два ряда занимали пожарники из ближайшей пожарной части и несколько полисменов в форме. В середине первого ряда, между двумя репортерами, сидел очень юный начальник полиции. Дженевьева с удивлением узнала в одном из зрителей по ту сторону ринга мистера

Клаузена. Белый, румяный, с внушительными бакенбардами, он чинно сидел у самого ринга, в первом ряду. Несколькими местами дальше, в том же ряду, она увидела красное от волнения, морщинистое лицо Силверстейна.

Под жидкие аплодисменты публики несколько молодых людей без пиджаков пролезли под канатом с ведерками, бутылками, полотенцами и прошли наискось через площадку в противоположный от Дженевьевы угол. Один из них сел на стул и прислонился спиной к канатам. На нем был плотный белый свитер, на голых ногах парусиновые башмаки. Другая группа молодых людей заняла угол прямо перед Дженевьевой. Раздались дружные аплодисменты, и, приглядевшись, она узнала Джо: он сидел на стуле в том же купальном халате, и его каштановые кудри приходились на расстоянии метра от ее глаз.

Молодой человек с пышной шевелюрой и в высоченном крахмальном воротничке, облаченный в черную пару, вышел на середину ринга и поднял руку.

— Просим почтеннейшую публику не курить,— сказал он.

Просьба была встречена громким ропотом и свистом. И Дженевьева с возмущением заметила, что все преспокойно продолжают дымить. Мистер Клаузен выслушал предупреждение распорядителя, держа в руках зажженную спичку, и как ни в чем не бывало закурил сигару. Дженевьева почувствовала к нему острую ненависть. Как может ее Джо драться в таком дымище? Ей и то нечем дышать, а она ведь просто сидит, не двигаясь.

Распорядитель подошел к Джо. Тот встал; купальный халат соскользнул с него, и Джо вышел на середину ринга обнаженный, в одних низких парусиновых башмаках и белых трусах. Дженевьева потупилась. Она была одна, никто не мог видеть ее — и все же она вся вспыхнула от жгучего стыда, увидев наготу своего возлюбленного. Но тут же взглянула опять, хоть совесть и мучила ее: ведь ясно, что так смотреть на него — грешно. И волнение, поднявшееся в ней, и страстный порыв, толкав-

ший ее к нему,— конечно, это грех. Но то был сладостный грех, и, отвергнув правила общепринятой морали, она не отводила глаз от своего возлюбленного. Изначальный инстинкт, первое грехопадение, вся могучая природа властно заявляли о себе. Казалось, зазвучали тихие голоса матерей всех минувших тысячелетий и первый крик младенцев, которым еще суждено родиться. Но этого она не знала,— знала только, что она грешница, и с гордо поднятой головой приняла отважное решение сбросить с себя все оковы и до дна испить чашу греха.

Она никогда не задумывалась о человеческом теле, скрытом под одеждой. Тело существовало в ее представлении только как лицо и руки. Дитя цивилизации, облачившей человека в одежды, она без одежды не мыслила человека. Человеческий род был для нее породой одетых двуногих, с голым лицом, голыми руками и поросшей волосами головой. Когда она думала о Джо, перед ней тотчас возникал образ ее возлюбленного: кудрявый юноша с нежным девичьим румянцем, синими глазами — и, конечно, в одежде. А теперь он, божественно прекрасный, стоял почти обнаженный, в ослепительном белом свете. И Дженевьева внезапно подумала, что бог всегда рисовался ей в обличье обнаженного, скрытого тучами существа.

Эта мысль, сближавшая ее возлюбленного с всевышним, показалась ей кощунственной, еретической, и она испугалась ее, как самого тяжкого греха.

Вкус Дженевьевы был воспитан на олеографиях, но естественное чувство прекрасного подсказало ей, что перед глазами у нее истинное чудо красоты. Ей всегда нравилась наружность Джо, но эта наружность была неразрывно связана в ее представлении с одеждой, и Дженевьеве казалось, что Джо так привлекателен потому, что хорошо одевается. Ей и не снилось, какая совершенная красота может скрываться под одеждой. Это открытие ошеломило ее. Кожа у Джо была белая, как у женщины, и несравненно более гладкая, шелковистая, почти

без растительности. Это Дженевьева заметила; всем остальным — изяществом линий, гармоничностью мускулистого, хорошо развитого тела — она лишь безотчетно любовалась. Весь облик Джо дышал чистотой и грацией. Лицо — точеное словно камея, озаренное улыбкой — казалось еще более юным, чем всегда.

Джо улыбался потому, что распорядитель положил ему руку на плечо и, повернув его лицом к публике, сказал:

— Рекомендую: Джо Флеминг, краса и гордость Западного Окленда.

Зрители бешено захлопали. Раздались громкие крики, восторженные возгласы.

— Джо! Наш Джо! — неслось со всех концов зала.

Джо вернулся в свой угол. Никогда еще не казался он Дженевьеве столь не похожим на боксера. У него такие кроткие глаза, ни во взгляде, ни в выражении рта нет ничего свирепого, зверского, а телом он слишком хрупок, и кожа нежная, гладкая, а лицо совсем мальчишеское, доброе и одухотворенное. Ее неискушенный глаз не замечал мощной грудной клетки, широких ноздрей, глубокого дыхания, вздувшихся бугром мышц под атласной кожей,— не видел всех этих тайников подспудных сил, созданных для разрушения. Он представлялся ей фарфоровой статуэткой, с которой нужно обращаться бережно, любовно, потому что от одного грубого прикосновения она может разбиться вдребезги.

Джон Понта, после того как два его секунданта с трудом стащили с него белый свитер, тоже вышел на середину ринга. И Дженевьева содрогнулась от ужаса, взглянув на него. Вот это боксер — зверь, с низким, как у обезьяны, лбом, с крошечными глазками под насупленными косматыми бровями, с приплюснутым носом, толстыми, угрюмо сжатыми губами. Дженевьева со страхом смотрела на его квадратную нижнюю челюсть, бычий загривок, на прямые, коротко остриженные волосы, похожие, казалось ей, на жесткую кабанью щетину. Вот где

грубость и жестокость — свирепое первобытное варварство. Кожа, смуглая почти до черноты, была покрыта на груди и плечах порослью, курчавой, как собачья шерсть. Широкая грудь, мощные ноги, непомерно вздувшиеся мышцы — в этом не было ни намека на красоту и гармонию. Он как бы весь состоял из бугров, узлов и шишек; от избытка физической силы тело его утратило человеческий облик.

— Джон Понта из спортивного клуба Вест-бэй,— сказал распорядитель.

Публика холодно приветствовала его. Симпатии зрителей были явно на стороне Джо.

— Валяй! Съешь его, Понта! Съешь! — крикнул чей-то голос в наступившей тишине.

Во всех концах зала раздались насмешливые возгласы, презрительные замечания. Понта злобно оскалил зубы и, повернувшись, прошел в свой угол. Он и не мог рассчитывать на теплый прием у публики, безотчетно питавшей к нему неприязнь,— слишком явно проступали в нем черты первобытной дикости; это было животное, лишенное всего духовного, неспособное мыслить,— опасное чудовище, внушавшее страх, как внушает страх тигр или змея, место которым в железной клетке, а не на воле.

И Понта понимал, что зрители против него. Как затравленный зверь, окруженный охотниками, он медленно обвел ненавидящим взглядом лица своих врагов. От этого взгляда маленький Силверстейн, восторженно выкрикивавший имя Джо, скорчился, будто его опалило огнем, и слова застряли у него в горле. Дженевьева видела это. И когда глаза Понта встретились с ее глазами, она тоже отшатнулась и вся съежилась. В следующее мгновение Понта остановил свой взгляд на Джо. Дженевьеве казалось, что Понта нарочно разжигает в себе ненависть. Джо посмотрел на противника ясным мальчишеским взором, но лицо у него стало суровым.

Распорядитель вывел на середину еще одного моло-

дого человека, без пиджака, с приветливым, добродушным лицом.

— Рекомендую: Эдди Джонс, судья предстоящего состязания,— сказал распорядитель.

— Эдди! Наш Эдди! — кричали зрители, дружно аплодируя судье, который, как отметила Дженевьева, тоже, видимо, был любимцем публики.

Противники с помощью своих секундантов уже натягивали перчатки. Один из секундантов Понта прошел в угол Джо и проверил его перчатки, прежде чем Джо надел их. По знаку судьи оба противника вышли на середину ринга, за ними — секунданты. Джо и Понта оказались друг против друга, между ними — судья. Секунданты стояли, положив руки друг другу на плечи и вытянув шеи. Судья что-то говорил, и все внимательно слушали. Потом группа распалась, и распорядитель снова вышел вперед.

— Вес Джо Флеминга — сто двадцать восемь,— объявил он,— Джона Понта — сто сорок. Бой продолжается до тех пор, пока одна рука свободна, и при выходе из клинча противники должны соблюдать осторожность. Напоминаем публике, что бой будет вестись до окончательного результата. Наш клуб не признает состязаний вничью.

Распорядитель, согнувшись, пролез под канатом и соскочил с помоста. Секунданты тоже ушли из своих углов, унося с собой стулья и ведра. На ринге остались только оба противника и судья. Раздался удар гонга. Противники быстро вышли на середину. На одну секунду их правые руки сошлись в мнимом рукопожатии. И сразу же Понта начал с ожесточением наносить удары правой и левой, но Джо уклонился, отскочив назад. Словно камень, пущенный из пращи, Понта снова налетел на Джо.

Бой начался. Дженевьева следила за ним, судорожно прижав руку к груди. Этот град ударов, проворство и ожесточение, с какими Понта наносил их, приводили ее в ужас. Она была уверена, что он искалечит Джо. По временам она не видела лица Джо, его заслоняли быстро

мелькавшие перчатки, но она слышала гулкие удары,— и каждый раз у нее от страха тошнота подступала к горлу.

Она не знала, что это просто боксерская перчатка стукается о перчатку или о плечо, не причиняя вреда.

Вдруг картина боя изменилась: противники крепко держали друг друга в объятиях; ни тот, ни другой не наносил ударов. Дженевьева догадалась, что это и есть «клинч», о котором говорил ей Джо. Понта старался вырваться, Джо не выпускал его. Судья крикнул: «Разойтись!» Джо хотел отступить, но Понта удалось высвободить руку, и Джо, чтобы увернуться от удара, снова обхватил противника. Но на этот раз его перчатка была прижата ко рту и подбородку Понта, и когда судья вторично крикнул: «Разойтись!», Джо запрокинул противнику голову и отскочил от него.

В течение нескольких кратких мгновений Дженевьеве ничто не мешало видеть возлюбленного. Его левая нога была слегка выдвинута вперед, корпус и колени чуть согнуты, голова опущена, и приподнятые плечи прикрывали ее. Руки он держал перед собой, готовый и к защите и к нападению, все мускулы его были напряжены,— и Дженевьева видела, как при каждом движении они, словно живые, свиваются клубком и перекатываются под белой кожей.

Понта уже снова наступал, и Джо приходилось туго. Он еще ниже пригнулся, как бы сжался весь, и стойко принимал удары, подставляя плечи, локти, руки. Удары градом сыпались на него, и Дженевьеве казалось, что ему ни за что не уйти живым. Но он стоял под ударами, отражая их плечом или перчаткой, то откидываясь назад, то клонясь вперед, словно дерево, раскачиваемое ветром. Только услышав аплодисменты и бурные крики зала: «Молодец, Джо! Держись!» — и увидев, как Силверстейн, не помня себя от восторга, едва не вскочил со стула, Дженевьева поняла, что происходит: Джо не только не грозит гибель, а, напротив, он держится хорошо. Но Пон-

та не отступал, и свирепый вихрь его ударов лишь в редкие мгновения не заслонял от Дженевьевы ее возлюбленного.

Глава пятая

Прозвучал гонг. Дженевьеве казалось, будто бой длился не менее получаса, но, по рассказам Джо, она знала, что прошло всего три минуты. Секунданты Джо, проскочив под канатами на площадку, бегом уводили его в угол для блаженной минуты отдыха. Один из них, присев перед Джо на корточки и держа на коленях его ноги, изо всех сил растирал ему икры. Джо сидел на стуле, далеко запрокинув голову, положив вытянутые руки на канат, и глубоко дышал всей грудью. Рот его был широко раскрыт, и двое секундантов махали перед ним полотенцами; еще один секундант вытирал ему лицо и грудь и нашептывал что-то на ухо.

Едва закончились эти манипуляции, занявшие всего несколько мгновений, как снова раздался гонг; секунданты, подхватив свои ведра и полотенца, шмыгнули под канаты, а Джо и Понта уже сходились на середине площадки.

Дженевьева никогда не думала, что минута может быть такой краткой. У нее даже мелькнула мысль, что отдых сократили нарочно, и она на секунду заподозрила что-то неладное, сама не зная что.

Понта нападал так же яростно, как в первом раунде, работая правой и левой, и Джо хотя и успешно отражал удары, но все же не смог устоять и отступил на несколько шагов; чтобы не потерять равновесия, он невольно вскинул одну руку и слегка приподнял голову. Понта прыгнул на него, словно тигр, целя в незащищенный подбородок противника. Но Джо сделал движение, словно ныряя, и кулак Понта прошел над его затылком. Едва Джо выпрямился, Понта направил на него такой прямой удар левой, который должен был перебросить Джо за канаты. Но Джо опять на какую-то долю секунды опередил про-

тивника и успел пригнуться,— кулак Понта скользнул по лопатке Джо и повис в воздухе. Понта повторил удар правой, но Джо опять увернулся и благополучно вошел в клинч.

Дженевьева с облегчением перевела дух; она чувствовала слабость во всем теле, ей едва не сделалось дурно. Публика восторженно аплодировала. Силверстейн, стоя, орал и размахивал руками, как бесноватый. И даже мистер Клаузен выражал свое восхищение, во всю мочь крича что-то в ухо соседу.

Но вот противники вышли из клинча, и бой возобновился. Джо закрывался, отступал, скользил по площадке, увертываясь от ударов, выдерживая стремительный натиск противника. Сам он редко наносил удары, ибо у Понта был зоркий глаз и он умел защищаться не хуже, чем нападать. У Джо не было никаких шансов сломить чудовищную силу Понта,— все надежды он возлагал на то, что Понта в конце концов сам выдохнется.

Дженевьеву удивляло, почему ее возлюбленный только защищается; ей даже стало досадно: Джо должен отомстить этому зверю, который так свирепо нападает на него! Но в ту минуту, когда она уже готова была рассердиться, Джо изловчился и с силой ударил Понта в губы. Удар был сокрушительный, голова Понта запрокинулась, и на губах у него выступила кровь. Зрители приветствовали удачу Джо оглушительным ревом, и Понта, не помня себя от бешенства, ринулся к Джо. Все прежние его наскоки были ничто по сравнению с этим неистовым ураганом. Джо уже не пытался ответить ударом на удар: ему понадобились все его силы, чтобы выдержать вызванную им бурю, и он едва успевал отражать нападение, увертываться от ударов и искать передышки и спасения в клинче.

Но и в клинче не было полного отдыха и безопасности — нужно было зорко следить за противником,— а в выходе из клинча таилась еще бо́льшая угроза. Дженевьева даже чуть улыбнулась, глядя, как крепко Джо при-

жимается к Понта; она не понимала, для чего это нужно, пока Понта, прежде чем Джо успел к нему прилипнуть, не нанес удар снизу вверх и кулак его чуть не пришелся по подбородку Джо. В следующем клинче, когда Дженевьева уже вздохнула свободно, считая, что Джо в безопасности, Понта, перегнувшись через его плечо, занес правую руку и с размаху опустил кулак на поясницу Джо. Зрители охнули в тревоге за своего любимца, а Джо молниеносно стиснул локти противника, чтобы предотвратить второй такой удар.

Опять раздался гонг, и после минутного отдыха бой возобновился. Джо даже не успел выйти из своего угла, как Понта через всю площадку кинулся на него. Там, где Джо получил удар в поясницу, на белой коже ярко алело пятно; оно было большое — величиной с перчатку Понта, и Дженевьева с тоской смотрела на этот багровый след, не в силах отвести глаз. Уже в следующем клинче Понта повторил свой убийственный удар в область почек. После этого Джо был настороже, и почти всегда ему удавалось избежать удара, нажимая перчаткой на подбородок Понта и запрокидывая ему голову, но, раньше чем кончился раунд, Понта трижды повторил этот прием, и каждый раз удар приходился по тому же уязвимому месту.

Прошел еще один минутный перерыв и еще один раунд, который не дал преимуществ ни тому, ни другому противнику. В начале пятого раунда Джо, прижатый в углу, сделал вид, что идет на клинч, но в последний миг, когда Понта приготовился обхватить его, он слегка отклонился назад и ударил Понта в незащищенное место — под ложечку, ударил с молниеносной быстротой четыре раза подряд, правой и левой. Удары, видимо, были сокрушительные, потому что Понта зашатался, отпрянул, руки у него повисли, плечи опустились,— казалось, он сейчас перегнется пополам и рухнет. Увидев, что противник раскрылся, Джо, не давая ему передышки, ударил его в губы, потом размахнулся, целя в челюсть, но прома-

зал — удар пришелся по щеке, и Понта отлетел в сторону.

Публика неистовствовала. Все вскочили на ноги, хлопали, кричали. Дженевьева слышала возгласы: «Крышка Понта, крышка!», и ей казалось, что сейчас наступит желанный конец. Она тоже была вне себя, от ее обычной кротости и добросердечия не осталось и следа: она ликовала при каждом убийственном ударе, который наносил ее возлюбленный.

Однако силы Понта далеко еще не были исчерпаны. Теперь уже не он наступал на Джо, а Джо, как тигр, преследовал его. Еще раз он нацелился в подбородок Понта, но тот уже успел оправиться и увернулся. Кулак Джо повис в воздухе. И так велика была сила инерции, что Джо отлетел в сторону, описав полоборота. Понта мгновенно нанес удар левой по незащищенной шее противника. Руки Джо бесильно повисли, он качнулся вперед, назад и упал навзничь. Судья, наклонившись над ним, стал громко отсчитывать секунды, сопровождая счет взмахами правой руки.

В зале стояла мертвая тишина. Понта повернулся было к публике, ожидая заслуженного одобрения, но никто не нарушил гробового молчания. Гнев охватил Понта. Это было несправедливо: стоило противнику нанести удар или увернуться от удара, весь зал аплодировал; а он, Понта, который с самого начала вел активный бой, не удостоился ни единого хлопка.

Глаза Понта злобно сверкнули, и, подобравшись, он подскочил к своему поверженному врагу. Пригнувшись над ним и занеся правую руку, он ждал, когда Джо начнет подниматься, чтобы обрушить на него удар. Судья, продолжая отбивать счет правой рукой, левой оттолкнул Понта. Тот попробовал обойти его, но судья шел за ним, отталкивая его и не подпуская к распростертому на полу Джо.

— Четыре, пять, шесть,— отсчитывал судья. Джо, повернувшись, попытался встать на колени. Сначала он со-

гнул одну ногу, опираясь обеими руками в пол, потом стал подтягивать другую.

— Счет! Выжди счет! — раздались голоса из зала.

— Не спеши! Выжди счет! — предостерегающе крикнул стоявший возле ринга секундант Джо. Дженевьева быстро взглянула на него: лицо молодого парня было очень бледно, он бессознательно шевелил губами, считая секунды вместе с судьей: — Семь, восемь, девять...

Девятая секунда истекла, судья в последний раз оттолкнул Понта, и Джо поднялся на ноги, готовый к защите. Он был слаб, но спокоен, очень спокоен. Понта набросился на него с ужасающей силой, нанеся один за другим два удара — прямой и снизу вверх. Джо отразил оба удара, увернулся от третьего, сделал шаг в сторону, чтобы избежать четвертого, но Понта новым градом ударов загнал его в угол. Джо явно слабел, колени у него подгибались, он едва стоял на ногах. Понта прижал его к канатам — больше отступать было некуда. Передохнув для верности, Понта сделал выпад левой и всю свою силу вложил в удар правой. Но Джо вошел в клинч, и это спасло его.

Понта отчаянно вырывался; он хотел прикончить врага, которого уже считал побежденным, но Джо вцепился в него и не отпускал; как только Понта удавалось хоть немного освободиться, Джо снова обхватывал его.

— Разойтись! — скомандовал судья. Джо еще крепче сжал противника.

— Заставьте его! Почему, черт возьми, вы не оттащите его? — задыхаясь, крикнул Понта судье. Тот снова скомандовал противникам разойтись. Но Джо не подчинился, зная, что этим не нарушает правил. С каждым мгновением силы его восстанавливались, мысли прояснялись, туман перед глазами рассеивался. Раунд еще только начался, и ему надо было во что бы то ни стало продержаться ближайшие три минуты.

Судья одной рукой схватил за плечо Джо, другой Понта и силой заставил их разойтись, протиснувшись меж-

ду ними. Оторвавшись, Понта прыгнул на Джо, словно хищный зверь на свою добычу. Но Джо закрылся, отразил удар и снова вошел в клинч. Опять Понта старался вырваться, опять Джо не выпускал его, и судья разнял их. И опять Джо, увернувшись от удара, вошел в клинч.

Дженевьева понимала, что пока Джо в клинче, он в безопасности. Так почему же судья разнимает их? Это бесчеловечно. Когда Эдди Джонс командовал разойтись, она с ненавистью смотрела на его круглое добродушное лицо и, привстав на стуле, так судорожно сжимала руки, что ногти больно впивались в ладонь. Весь раунд, все три томительно долгие минуты противники только и делали, что обхватывали друг друга и по команде судьи расходились. Ни разу Понта не удалось нанести последний, решающий удар. Он обезумел от ярости, чувствуя свое бессилие перед явно ослабевшим и почти побежденным противником. Достаточно одного удара, одного-единственного — и он не может нанести его! Опыт и хладнокровие спасли Джо от поражения. Едва держась на ногах, с затуманенным сознанием, он изо всех сил цеплялся за противника и не отпускал его, пока не чувствовал нового прилива сил. Когда Понта, доведенный до исступления, попытался было приподнять Джо и бросить его наземь, из зала донесся пронзительный голос Силверстейна:

— Ты бы еще укусил его!

В зале стояла такая тишина, что эти язвительные слова услышали все. Они разрядили напряжение, и зрители, только что пережившие тревогу за своего любимца, так и покатились со смеху. Хохотали громко, неудержимо, с истерическими взвизгиваниями. Даже Дженевьеву рассмешила шутка Силверстейна, и ее страх за Джо немного рассеялся, но она чувствовала слабость и дурноту: все, что происходило на ринге, внушало ей ужас.

— Укуси его! Укуси! — кричали голоса из зала.— Отгрызи ему ухо! Слышишь, Понта? Иначе ты его не возьмешь! Съешь его! Съешь! Чего ты ждешь?

Под градом насмешек Понта начал терять самоблада-

ние. Чем больше он свирепел, тем хуже дрался. Он пыхтел, всхлипывал, даром тратил силы; выдержка и здравый смысл изменили ему, и он тщетно пытался возместить их ужасающей силой своих ударов. Он уже ни о чем не думал — им владела слепая жажда уничтожить врага; в клинче он встряхивал Джо, словно терьер, поймавший крысу, и с ожесточением вырывался, стараясь высвободить руки. А Джо между тем невозмутимо держал его и не отпускал. Судья самоотверженно и честно старался их разнять. Это была нелегкая задача — пот лил с него ручьями. Ему приходилось пускать в ход всю свою силу, чтобы разнять противников, и не успевал он развести их, как Джо снова входил в клинч и все нужно было начинать сызнова. Напрасно Понта пытался увернуться от цепких рук Джо. Он не мог держаться в отдалении от противника: чтобы нанести удар, надо было приблизиться к нему,— и каждый раз Джо опрокидывал его расчеты и замыкал в кольцо клинча.

Скорчившись на стуле перед глазком, прорезанным в стене тесной уборной, Дженевьева тоже чувствовала себя обманутой в своих надеждах. В этом беспощадном смертном бою она была заинтересованной стороной. Ведь один из противников — ее возлюбленный, ее Джо. И вот зрителям все ясно и понятно, а ей — нет. Тайна этой жестокой игры не открылась ей, Дженевьева не постигла ее чар. Ринг стал для нее еще большей загадкой; она отказывалась понять его власть над людьми. Какую прелесть мог находить Джо в этом грубом напряжении вздувшихся мышц, в ожесточенных схватках, свирепых ударах, причиняющих мучительную боль? Неужели это лучше, чем то, что может дать ему она,— покой, довольство, светлую, тихую радость? За право владеть его сердцем, его помыслами она предлагает дары более щедрые и более драгоценные, чем сулит ему ринг,— но он заигрывает и с нею и с ним: прижимает ее к груди, а сам и не смотрит на нее, прислушиваясь к зову искусителя, чье таинственное обаяние непонятно ей.

Прозвучал гонг. Раунд кончился клинчем в углу Понта. Молодой бледный секундант тут же вскочил на площадку, подхватил Джо на руки и бегом понес его в свой угол; все секунданты принялись лихорадочно растирать ему ноги, хлопать его по животу, оттягивать трусы, чтобы он мог глубже дышать. Впервые видела Дженевьева, как дышат животом, и подумала, что никогда она не дышала так глубоко, так прерывисто, даже если ей случалось бежать за трамваем. Потом она почувствовала острый, резкий запах: к лицу Джо приложили губку, пропитанную нашатырным спиртом, и он вдыхал его, чтобы освежить голову. Он прополоскал рот и горло, пососал ломтик лимона, и все это время секунданты, как одержимые, обмахивали его полотенцами, вгоняя кислород ему в легкие, чтобы кровь очистилась и обновленная потекла по жилам в предстоящей схватке. Его разгоряченное тело обтирали мокрыми губками, а на голову лили воду из бутылок.

Глава шестая

Гонг возвестил начало шестого раунда, и противники выступили из своих углов; капли воды еще поблескивали на их коже. Понта так стремительно кинулся вперед, что они сошлись не на середине ринга, а ближе к углу Джо. Понта не терпелось прикончить противника, пока тот еще не совсем пришел в себя, но Джо выдержал испытание,— он опять был полон сил, и с каждой секундой силы прибывали. Он отразил первый натиск противника, потом сам нанес ему такой удар, что Понта отлетел назад. Джо сделал движение, словно хотел настичь его, но отказался от этого намерения и спокойно принял вихрь ударов, которым Понта ответил на его удар.

Бой протекал, как и вначале: Джо защищался, Понта нападал. Но Понта был недоволен,— он не чувствовал себя хозяином положения; в любой момент, как бы свиреп ни был его натиск, противник мог нанести ответный

удар. Джо приберегал силы,— на десять ударов Понта он отвечал одним, но его удар почти всегда попадал в цель. Понта был сильнее Джо в нападении, однако одолеть его не мог, а редкие, но искусные удары Джо говорили о том, что он опасный противник. Понта понял это и стал сдержаннее. Он уже не решался, как в первых раундах, очертя голову набрасываться на Джо, стремясь уничтожить его одним ударом.

Картина боя менялась на глазах. Зрители сразу заметили перемену, и даже Дженевьева поняла это, когда начался девятый раунд. Джо перешел в наступление. Теперь в клинче не Понта, а он наносил противнику убийственные удары в поясницу. Он делал это только раз за один клинч, но зато с сокрушительной силой и в каждом клинче. Выходя из клинча, он наносил Понта удар снизу под ложечку, или боковой удар в челюсть, или прямой в губы. Но как только Понта делал поползновение обрушить на него вихрь ударов, он отскакивал от противника и закрывался.

Так прошло еще два раунда, потом еще один; силы Понта явно убывали, хотя и очень медленно. Задача Джо состояла теперь в том, чтобы измотать противника — не одним ударом и не десятком, а нанося удар за ударом, долго, до бесконечности, пока огромный запас сил Понта не иссякнет. Джо не давал ему передышки, он теснил Понта шаг за шагом, и слышно было, как его выдвинутая вперед левая нога пристукивает по жесткому брезенту. Потом он прыжком тигра кидался на противника, наносил удар или несколько ударов и, молниеносно отскочив, снова надвигался на Понта. Когда Понта в свою очередь переходил к нападению, Джо тщательно закрывался, а потом опять уверенно наступал на противника, пристукивая выдвинутой вперед левой ногой.

Понта медленно, но неуклонно слабел. Никто уже не сомневался в исходе состязания.

— Джо! Наш Джо! — кричали зрители, выражая молодому боксеру свою любовь и восхищение.

— Даже совестно пари выигрывать! — издевалась публика.

— Что же ты не съешь его, Понта? А ну-ка, съешь!

Когда очередной раунд кончился, секунданты Понта с удвоенной энергией принялись за него. Их твердая вера в его чудовищную силу и выносливость поколебалась. Дженевьева следила за их лихорадочной работой, прислушиваясь в то же время к советам, которые молодой бледный секундант давал Джо.

— Не торопись,— говорил он.— Понта выдохся, это верно, но ты не торопись. Я знаю его: у него до самого конца наготове удар. Я видел, как его били, и казалось, ему крышка,— но он держит последний удар про запас. Помню, Микки Салливен совсем загонял его: нокдаун за нокдауном, шесть раз подряд, а потом раскрылся. Понта ударил его в челюсть, и только через две минуты Микки открыл глаза и спросил, что случилось. Так что следи за ним и будь осторожен, не зарывайся. Я ставил на тебя, но еще не считаю, что деньги у меня в кармане.

Понта поливали водой. Когда прозвучал гонг, один из секундантов опрокинул бутылку над его головой. Понта пошел на середину ринга, а секундант последовал за ним, держа над ним перевернутую вверх дном бутылку. Судья закричал на секунданта, и тот убежал с ринга, уронив по дороге бутылку; она покатилась по полу, расплескивая воду, и судья пинком ноги выбросил ее за канат.

За все время боя Дженевьева ни разу не видела у Джо того выражения, которое промелькнуло на его лице утром, в мебельном магазине, когда он говорил ей о боксе. В некоторых раундах лицо у него было совсем юное, мальчишеское. В те минуты, когда Понта наносил ему самые мучительные удары, оно становилось серым, угрюмым, а позднее, когда он отчаянно цеплялся за противника, чтобы только выиграть время, его лицо казалось ей грустным. Но теперь он уже не опасался противника: инициатива перешла к нему. И тут Дженевьева

увидела его лицо боксера. Увидела — и содрогнулась. Как он далек от нее! Она думала, что знает его, знает до конца, что он в ее власти,— но это лицо, как будто отлитое из стали, эти губы, твердые, как сталь, эти глаза, отсвечивающие стальным блеском, были чужие. «Точно бесстрастное лицо карающего ангела с печатью божьего промысла на челе»,— подумала Дженевьева.

Понта сделал попытку возобновить натиск первых раундов, но Джо остановил его ударом в губы. Настойчиво, неумолимо, не давая противнику ни секунды передышки, Джо преследовал его. Тринадцатый раунд закончился в углу Понта сокрушительным натиском Джо. Понта пытался отвечать, но Джо нанес еще удар, и Понта упал на колени; на десятой секунде он поднялся и сделал попытку войти в клинч, но Джо встретил его четырьмя ударами под ложечку, и, когда прозвучал гонг, Понта, задыхаясь, повалился на руки своим секундантам.

Джо побежал через весь ринг к своему углу.

— Вот теперь моя возьмет,— сказал он своему секунданту.

— Да, сейчас ты его хорошо потрепал,— ответил тот.— Теперь испортить тебе дело может только случай, но все же берегись Понта.

Джо наклонился вперед, слегка согнув колени, и замер в позе бегуна, ожидающего сигнала к старту. Как только раздался гонг, он в два прыжка очутился в углу Понта, который только вставал со стула, окруженный своими секундантами. И здесь, среди секундантов, Джо свалил его ударом правой. Как только Понта вынырнул из хаоса ведерок, стульев и секундантов, Джо вторично сшиб его с ног. И еще в третий раз Понта растянулся на полу, прежде чем выбрался из своего угла.

Вот когда Джо превратился в вихрь, сыплющий удары. Дженевьева помнила его слова: «Следи хорошенько, ты поймешь, когда я начну наступать». Зрители тоже это поняли. Весь зал был на ногах, из всех глоток неслись неистовые вопли. Слушая этот кровожадный рев

толпы, Дженевьева подумала, что точно так, должно быть, воют голодные волки. Теперь, когда она уже не сомневалась в победе своего возлюбленного, в ее сердце нашлось место и для жалости к Понта.

Тщетно пытался он оградить себя от ударов, отражать их, увертываться, входить в клинч,— Джо не давал ему пощады, нокдаун следовал за нокдауном. Понта падал на брезент навзничь и боком, получал удары и в клинче и в отрыве — мощные, убийственные удары, от которых туманился мозг и мышцы теряли упругость. Джо загонял его в угол и снова выгонял оттуда, опрокидывал на канаты, ждал, пока он выпрямится, и снова опрокидывал. Понта молотил руками по воздуху, с размаху опускал кулак и попадал в пустоту. Ничего человеческого не осталось в нем,— это был дикий зверь, разъяренный, ревущий, затравленный. Он падал на колени, тут же, шатаясь, поднимался, не ожидая десятой секунды, но Джо одним ударом отбрасывал его на канаты.

Весь избитый, измученный, едва держась на ногах, судорожно ловя ртом воздух, задыхаясь и хрипя, с остекленевшим взглядом, Понта метался по рингу, все еще пытаясь поразить противника. Он был смешон и в то же время почти велик в своем упорном стремлении драться до конца, не признавать себя побежденным.

И вдруг — Джо поскользнулся на мокром брезенте. Налитые кровью глаза Понта заметили это, и он понял, что есть еще надежда. В ту же секунду, собрав остатки сил, он нанес молниеносный, точный удар — снизу в подбородок. Джо упал навзничь. Дженевьева видела, как, падая, обмякло его тело, и услышала глухой стук, когда он затылком ударился о покрытый брезентом пол.

Шум и крики в зрительном зале мгновенно смолкли. Судья, склонившись над распростертым телом, отсчитывал секунды. Понта сделал несколько неверных шагов в сторону и рухнул на колени. Он с трудом поднялся и, повернувшись к залу, обвел зрителей горящим ненавистью взглядом. Ноги у него дрожали, колени подгиба-

лись, дыхание с хрипом вырывалось из груди. Он зашатался, качнулся назад и, чтобы не упасть, ощупью схватился за канат и повис на нем, согнувшись, в полном изнеможении, низко опустив голову, потеряв власть над своим телом.

Судья отсчитал роковые десять секунд и указал рукою на Понта: это означало, что победа осталась за ним.

Из зала не донеслось ни одного хлопка, и Понта, словно пресмыкающееся, прополз под канатом, где его подхватили секунданты и под руки повели через зал, по боковому проходу. Джо по-прежнему лежал без движения. Секунданты подняли его, понесли в угол и посадили на стул. Любопытные из публики стали взбираться на площадку, но полисмены, уже очутившиеся здесь, грубо сгоняли их.

Дженевьева смотрела на все это в глазок. Она не была сильно встревожена. Ее возлюбленный потерпел поражение, для него это большое разочарование, и она сочувствовала ему,— но и только. Может быть, так даже лучше. Ринг предательски обманул его,— тем вернее он будет принадлежать ей. Она знала от Джо, что такое нокаут: иногда нокаутированный боксер не сразу приходит в себя. И только когда она услышала, что секунданты требуют врача, сердце ее сжалось от страха.

Секунданты унесли Джо с ринга, они миновали канаты, и Дженевьева уже не могла видеть их в свой глазок. Потом дверь распахнулась, и в комнату вошло несколько мужчин: они внесли Джо и положили его на пыльный пол; голову ему поддерживал один из секундантов. Никто, по-видимому, не удивился, застав здесь Дженевьеву. Она подошла к Джо и опустилась возле него на колени. Веки его были опущены, рот приоткрыт. Она взяла его за руку и приподняла ее. Рука была очень тяжелая и такая безжизненная, что Дженевьева испугалась; она вскинула глаза и посмотрела на секундантов и других мужчин, стоящих вокруг. Казалось, все эти люди чего-то боятся. Только один не был испуган — он ру-

гался вполголоса, неистово, с ожесточением. Потом Дженевьева оглянулась и увидела, что рядом с ней стоит Силверстейн; он тоже казался испуганным. Он ласково положил ей руку на плечо и участливо сжал его.

От этого участия ей стало страшно. Мысли путались. Кто-то вошел, и все перед ним расступились. Вошедший сердито сказал:

— Уходите! Все уходите! Очистить комнату!

Несколько человек молча повиновались.

— Кто вы такой? — резко обратился он к Дженевьеве.— Да это девушка, черт возьми!

— Ничего, пусть останется, это его невеста,— сказал молодой человек, в котором Дженевьева узнала своего проводника.

— А вы? — запальчиво спросил вошедший у Силверстейна.

— Я с ней,— ответил старик вызывающим тоном.

— Это ее хозяин,— объяснил молодой человек.— Все в порядке, я же сказал.

Врач недовольно крякнул и опустился на колени, потом провел рукой по влажной голове Джо, опять крякнул и поднялся на ноги.

— Мне здесь делать нечего,— сказал он,— пошлите за «скорой помощью».

Все, что было дальше, казалось Дженевьеве дурным сном. Вероятно, она лишилась чувств, иначе зачем бы Силверстейну поддерживать ее, обняв одной рукой? Вместо лиц она видела вокруг себя какие-то расплывчатые пятна; она уловила обрывки разговора: молодой человек, служивший ей проводником, упомянул о репортерах.

— Твое имя попадет в газеты,— услышала она голос Силверстейна, донесшийся откуда-то издалека, и, на мгновение очнувшись, протестующе покачала головой.

Появились какие-то новые лица. Джо вынесли на носилках. Силверстейн застегнул на ней мужское пальто и поднял широкий воротник. Она почувствовала на лице ночную прохладу и увидела над собой ясные, холодные

звезды Ее куда-то втиснули, и она села. Рядом с ней сидел Силверстейн. Джо тоже был здесь: он лежал на носилках, раздетый, прикрытый одеялом. Еще был здесь человек в синем мундире, и он что-то сочувственно говорил ей, но она не понимала его слов. Цокали копыта лошадей, и ее уносило куда-то в темную ночь.

Потом опять был свет, звучали голоса и пахло йодоформом. «Должно быть— подумала она,— это больница; вот операционный стол и врачи». Они осматривали Джо. Один из них, темноглазый, с черной бородкой, похожий на иностранца, выпрямился и сказал другому врачу:

— В жизни не видел ничего подобного. Вся задняя часть черепа.

Губы у нее были горячие и сухие. Горло сжимали мучительные спазмы. Но почему она не плачет? Она должна заплакать! Она знала, что так нужно. Вот Лотти стоит по другую сторону узкой койки (это была новая картина ее дурного сна) и плачет. Кто-то что-то говорил о коматозном состоянии, о смертельном исходе. Это говорил не тот доктор — с черной бородой, а другой. Но ей было все равно кто. Который теперь час? Словно в ответ на ее немой вопрос, за окнами забелел тусклый свет зари.

— Сегодня должна была быть наша свадьба,— сказала она Лотти.

— Молчи! Молчи! — всхлипнула сестра Джо и, закрыв лицо руками, заплакала навзрыд.

Итак, всему конец: и коврикам, и мебели, и уютному гнездышку; конец свиданиям и прогулкам под звездным небом, счастью любить и быть любимой. Какое чудовище этот ринг, которого она не могла постичь! Она с ужасом думала о его власти над душами мужчин, о его злых шутках и предательстве, о непостижимом соблазне, который таится в этой опасной, жестокой и буйной игре. Из-за этой игры так жалок удел женщины: она не может заполнить всю жизнь мужчины, для него она только забава, мимолетное развлечение. Женщине

он дарит свое внимание и нежные заботы, сердечные порывы и минуты счастья, но этому околдовавшему его чудовищу — и дни и ночи, все устремления, работу ума и работу мышц, самые терпеливые усилия и самые страшные жертвы, всю свою жизненную энергию и волю к действию.

Силверстейн помог ей встать. Она не сопротивлялась. Сон все еще сковывал ее. Старик взял ее под руку и повел к двери.

— Что же ты не поцелуешь его? — вскрикнула Лотти, и в ее темных скорбных глазах вспыхнул гневный укор.

Дженевьева покорно склонилась над бездыханным телом и прижала губы к еще теплым устам Джо. Дверь отворилась перед ней, и она прошла в другую комнату. Там стояла миссис Силверстейн и смотрела на нее сердитым взглядом. Когда она увидела Дженевьеву в мужском платье, в глазах ее загорелись мстительные огоньки.

Силверстейн умоляюще глядел на грозную супругу, но она дала волю своему негодованию.

— Ну, что я тебе говорила? Что? Так нет же, захотелось ей боксера! Вот теперь тебя пропишут во всех газетах! Застали на ринге в мужском платье! Ах ты, бесстыдница! Ах ты, дрянь ты этакая! Ах ты...

Но голос у нее сорвался, слезы полились из глаз, и, протянув толстые руки, неуклюжая, смешная, вся светясь материнской святой любовью, она подошла к безмолвной Дженевьеве и прижала ее к груди. Прерывисто, невнятно шептала она какие-то ласковые слова, тихонько раскачиваясь взад и вперед, поглаживая плечо девушки своей большой тяжелой рукой.

Кусок мяса

Последним кусочком хлеба Том Кинг подобрал последнюю каплю мучного соуса, начисто вытер им тарелку и долго, сосредоточенно жевал его. Из-за стола он встал с гнетущим ощущением голода. А ведь только он один и поел. Обоих ребятишек уложили спать пораньше в соседней комнате в надежде, что во сне они забудут о пустых желудках. Жена не притронулась к еде и сидела молча, озабоченно наблюдая за мужем. Это была худая, изможденная женщина, дочь рабочего, сохранившая еще остатки былой привлекательности. Муку для соуса она заняла у соседей. Последние два полпенни ушли на покупку хлеба.

Том Кинг присел у окна на расшатанный стул, затрещавший под его тяжестью, и машинально, сунув в рот трубку, полез в боковой карман. Отсутствие табака вернуло его к действительности, и, обругав себя за беспамятность, он отложил трубку в сторону. Движения его были медленны, почти неуклюжи — казалось, он изнемогает под тяжестью собственных мускулов. Это был человек весьма внушительного вида и внушительного сложения; наружность его не слишком располагала к себе. Грубая поношенная одежда висела на нем мешком. Ветхие башмаки были подбиты слишком тяжелыми подметками, тоже отслужившими свой век. Ворот дешевой, двухшиллинговой рубашки давно обтрепался, а покрывавшие ее пятна уже не поддавались чистке.

Профессию Тома Кинга можно было безошибочно определить по его лицу — типичному лицу боксера. Долгие годы работы на ринге наложили на него свой отпечаток, придав ему какую-то настороженность зверя, готового к борьбе. Это угрюмое лицо было чисто выбрито, словно для того, чтобы все его черты выступили как можно резче. Бесформенные губы складывались в крайне жесткую линию, и рот был похож на шрам. Тяжелая, массивная нижняя челюсть выдавалась вперед. Глаза под набрякшими веками и кустистыми бровями двигались медленно и казались почти лишенными выражения. Да, несомненно, было что-то звериное в наружности Кинга и особенно в его глазах — сонных с виду глазах льва, готового к схватке. Низкий лоб был покат, а под коротко остриженными волосами отчетливо проступал каждый бугор на обезображенной голове. Нос, дважды сломанный, исковерканный бессчетными ударами на все лады, и оттопыренное, всегда распухшее ухо, изуродованное так, что оно стало вдвое больше своей нормальной величины, тоже отнюдь его не красили, а уже проступавшая на недавно выбритых щеках борода придавала коже синеватый оттенок.

Словом, у Тома Кинга была внешность человека, которого можно испугаться где-нибудь в темном переулке или в каком-либо уединенном месте. А между тем он вовсе не был преступником и никогда ничего преступного не совершал. Иногда побранится — это дело обычное в его среде, а вообще-то он никому не делал вреда. Никто никогда не видел, чтобы он затеял ссору. Том Кинг был боксер-профессионал и всю свою боевую свирепость сохранял для профессиональных выступлений. Вне ринга он был флегматичен, покладист, а в молодые годы, когда у него водились деньги, раздавал их щедрой рукой, не заботясь о себе. Он не страдал злопамятностью и имел мало врагов. Бой на арене являлся для него средством к жизни. На ринге он наносил удары, чтобы причинить повреждения, чтобы изувечить про-

тивника, уничтожить его, но делал это без злобы. Для него это было обыкновенным деловым занятием. Зрители собирались и платили деньги, чтобы посмотреть, как противники нокаутируют друг друга. Победителю доставалась большая часть денежного приза. Когда Том Кинг встретился двадцать лет назад с Улумулу Гуджером, он знал, что нижняя челюсть Гуджера, сломанная в ньюкаслском состязании, всего месяца четыре как зажила. И он метил именно в эту челюсть и опять сломал ее на девятом раунде, но не потому, что питал к Гуджеру вражду, а потому, что это был наиболее верный способ вывести Гуджера из строя и получить большую часть приза. И Гуджер не обозлился на него. Таков был закон игры, оба они знали и следовали ему.

Том Кинг был несловоохотлив. Сидя у окошка, он молчал, угрюмо разглядывая свои руки. На тыльной стороне кистей выступали толстые, вздутые вены, а расплющенные и изуродованные суставы пальцев свидетельствовали о службе, которую они несли. Том Кинг никогда не слыхал, что жизнь человека — это жизнь его артерий, но, что значат эти толстые, набухшие вены, было ему очень хорошо известно. Его сердце гнало по ним слишком много крови под слишком высоким давлением. Они уже не справлялись со своей работой. Задавая им непосильную задачу, он заставил их потерять эластичность, а вместе с этим утратил и свою былую выносливость. Теперь он легко уставал и уже не мог двадцать бешеных раундов подряд биться, биться, биться, как одержимый, от гонга до гонга, то прижавшись к канатам, то сам отбрасывая к канатам противника и с каждым раундом усиливая ярость своих атак, чтобы в двадцатом, последнем, раунде, когда весь зал, вскочив, ревет, собрать воедино всю свою стремительность и всю мощь и нападать, бить, увертываться, снова и снова обрушивая на противника град ударов и получая такой же град ударов в ответ, в то время как сердце безотказно гонит по упругим венам бурно приливаю-

щую кровь. Вздувавшиеся во время боя вены потом всегда опадали, но не совсем,— каждый раз, незаметно для глаза, они становились чуточку шире прежнего.

Том Кинг смотрел на свои вены и на искалеченные суставы пальцев, и на мгновение ему припомнилось, какой юношески-безупречной формой обладали эти руки до того, как он впервые размозжил одну из костяшек о голову Бенни Джонса, известного под кличкой «Валлийское Страшилище».

Голод снова заговорил в нем.

— Эх! Неужели нельзя достать кусок мяса! — пробормотал он, сжимая свои огромные кулаки, и тихонько выругался.

— Я пробовала, просила и у Берка, и у Соулея...— виновато сказала жена.

— Не дали? — спросил он.

— Ни на полпенни. Берк сказал...— Она запнулась.

— Договаривай! Что он сказал?

— Да что мы и так уж много забрали у него продуктов в долг и что Сэндл, наверное, задаст тебе нынче трепку.

Том Кинг хмыкнул, но промолчал. Ему вспомнился вдруг бультерьер, которого он держал, когда был помоложе, и закармливал до отвала мясом. Тогда Берк поверил бы ему, Кингу, тысячу бифштексов в долг. Но времена изменились. Том Кинг старел, а старые боксеры, выступающие в состязаниях во второразрядных клубах, не могут рассчитывать на сколько-нибудь порядочный кредит у лавочников.

Том Кинг встал в это утро с тоской по куску говядины, и тоска эта не утихала. К тому же он знал, что недостаточно натренирован для предстоящей борьбы. Этот год в Австралии выдался засушливый, дела у всех шли туго, и даже случайную работу нелегко было подыскать. Партнера для тренировки у Тома не было, питался он плохо, редко ел досыта. Иногда он по нескольку дней работал чернорабочим, если удавалось устроиться, а по

утрам обегал кругом весь парк Домен для тренировки ног. Но трудно тренироваться без партнера, да еще когда у тебя жена и ребятишки, которых надо прокормить. Предстоящее состязание с Сэндлом не слишком-то подняло его кредит у лавочников. Секретарь Гейети-клуба выдал ему вперед три фунта — ту часть приза, которая причитается побежденному,— но дать что-либо сверх этого отказался. Время от времени Кингу удавалось перехватывать несколько шиллингов у старых приятелей; они одолжили бы ему и больше, если бы не засуха, из-за которой им самим приходилось туго. Нет, что уж правду таить,— он плохо подготовлен к состязанию. Следовало бы лучше питаться и не иметь столько забот. К тому же в сорок лет труднее входить в форму, чем в двадцать.

— Который час, Лиззи?

Жена побежала к соседям через площадку узнать время и тотчас вернулась.

— Без четверти восемь.

— Первый бой начнется через несколько минут,— сказал он.— Это только пробный. Потом пойдет бой в четыре раунда между Диллером Уэллсом и Гридли, потом в десять раундов — между Скайлайтом и каким-то матросом. Мне выступать не раньше чем через час.

Посидев молча еще минут десять, он поднялся.

— Правду сказать, Лиззи, у меня не было настоящей тренировки.

Взяв шляпу, Кинг направился к двери. Он не поцеловал жену — он никогда не целовал ее на прощание,— но в этот вечер она сама решилась его поцеловать и, обхватив руками за шею, заставила нагнуться к ней; она выглядела совсем маленькой рядом со своим громадиной мужем.

— Желаю удачи, Том,— шепнула она.— Ты должен его одолеть.

— Да, я должен его одолеть,— повторил он.— Тут и говорить не о чем. Я должен его одолеть, вот и все.

Он засмеялся с притворной веселостью, а жена еще теснее прижалась к нему. Поверх ее плеча он окинул взглядом убогую комнату. Здесь было все, чем он обладал в этом мире: комната, за которую давно не плачено, жена и ребятишки. И он уходил в ночь, покидал их, чтобы добыть пропитание для своей подруги и детенышей, но не так, как добывает его современный рабочий, направляясь на однообразную, изнурительную работу к своему станку, а древним, царственно-первобытным, звериным способом — в бою.

— Я должен его одолеть,— повторил он, на этот раз с ноткой отчаяния в голосе.— Если побью, получу тридцать фунтов, расплачусь со всеми долгами и еще куча денег останется. Не побью — не получу ничего, ни единого пенни, даже на трамвай до дому не получу. Ну, прощай, старуха. Если побью, вернусь прямо домой.

— Я не лягу, буду дожидаться! — крикнула она ему вдогонку, выглянув на лестницу.

До Гейети-клуба было добрых две мили, и, шагая по улице, Том Кинг вспомнил, как в былые, счастливые дни он, чемпион в тяжелом весе Нового Южного Уэлса, ездил на состязания в кебе и кто-нибудь из тех, кто ставил на него тогда большие суммы, сопровождал его и платил за кеб. И вот теперь Томми Бернс и этот негрянки Джек Джонсон катаются в автомобилях, а он тащится пешком! А ведь отмахать добрые две мили — неважная подготовка к бою, кто ж этого не знает. Он стар, а жизнь не милует стариков. Ни на что он больше не годен, разве только на черную работу, да и тут сломанный нос и изуродованное ухо оказывают ему плохую услугу. Жаль, что он не выучился какому-нибудь ремеслу. Да, как видно, так было бы лучше. Но никто в свое время не дал ему такого совета, да и в глубине души он знал, что все равно не стал бы никого слушать. Ведь жизнь давалась ему тогда так легко! Уйма денег, жаркие, славные бои, а в промежутках — долгие периоды отдыха, безделья... целая свита услужливых

льстецов... похлопывания по спине, рукопожатия... светские щеголи, наперебой угощавшие его виски, только бы добиться высокой чести — пятиминутного разговора с ним... И венец всего — неистовствующая публика, бурный финал, судья, объявляющий: «Победил Кинг!» — и его имя на столбцах спортивной хроники в газетах на следующий день.

Да, славное было времечко! Но сейчас, после того как он, по своему обыкновению, медленно и долго размышлял над этим, ему стало ясно, что он в ту пору сталкивал с дороги стариков. Он был тогда восходящей звездой, Молодостью, а они — близившейся к закату Старостью. Не мудрено, что победа над ними давалась ему легко: у них были вздувшиеся жилы, искалеченные суставы, крепко засевшая в теле усталость от бесчисленных проведенных ими боев. Ему вспомнилось, как в Раш-Каттерс Бэй он побил старого Стоушера Билла на восемнадцатом раунде и как тот, словно ребенок, плакал потом у себя в раздевалке. Быть может, Билл просрочил плату за квартиру? И может, Билл в день состязания был голоден и тосковал по куску мяса? Старик не хотел сдаваться, и он страшно его разделал. Теперь, сам находясь в его шкуре, Том Кинг понимал, что в тот вечер, двадцать лет назад, Стоушер Билл ставил на кон куда больше, чем юный Том, сражавшийся ради славы, ради легко достававшихся ему денег. Что ж мудреного, если Стоушер Билл плакал потом в раздевалке!

Да, каждому, как видно, отпущено сил на определенное число схваток, не больше. Таков железный закон боя. Один может выдержать сотню тяжелых боев, другой — только двадцать; каждого, в соответствии с его сложением и темпераментом, хватает на определенное время, а потом он конченый человек. Что ж, его, Тома Кинга, хватило на большее, чем многих других, на его долю выпало больше жестоких, изнурительных боев, которые задавали такую работу легким и сердцу, что они,

казалось, готовы были лопнуть, и артерии лишались эластичности, мягкая гибкость гладких юношеских мышц превращалась в жесткие узлы мускулов, нервы изматывались, выносливость подрывалась, тело и мозг утомлялись от непосильного напряжения. Да, он еще дольше продержался, чем другие! Все его старые товарищи уже сошли с ринга. Он был последним из старой гвардии. Они выбывали из строя у него на глазах, и подчас он сам прикладывал к этому руку.

Его выпускали против стариков, и он сметал их с дороги одного за другим, смеясь, когда они, как старый Стоушер Билл, плакали в раздевалке. А теперь он сам стар, и юнцы пробуют на нем свои силы. Вот, к примеру, хоть этот малый, Сэндл. Он приехал из Новой Зеландии, где уже прославился. Но здесь, в Австралии, о нем никто ничего не знает, и его выпускают против старого Тома Кинга. Если Сэндл себя покажет, ему дадут противников посильнее и увеличат приз, так что он, без сомнения, будет сегодня биться до последнего. Ведь в этом бою он может выиграть все — деньги, славу, карьеру. И преградой на этом широком пути к славе и богатству стоит старый, седой Кинг. А Том Кинг ничего уже больше не может выиграть — только тридцать фунтов, чтобы расплатиться с домохозяином и с лавочниками. И когда он подумал об этом, в его неповоротливом мозгу возник образ сияющей Молодости, ликующей и непобедимой, с гибкими мышцами, шелковистой кожей и здоровыми, не знающими усталости легкими и сердцем. Молодости, которая смеется над тем, кто бережет силы. Да, Молодость — это Возмездие! Она уничтожает стариков, не задумываясь над тем, что, поступая так, уничтожит и самое себя. Ее артерии вздуются, суставы на пальцах расплющатся, и ее, в свой черед, уничтожит победоносная Молодость. Ибо Молодость всегда юна. Стареют только поколения.

На Кеслри-стрит он свернул налево и, пройдя три квартала, подошел к Гейети-клубу. Толпа молодых сор-

ванцов, торчавших у входа, почтительно расступилась перед ним, и он услышал за своей спиной:

— Это он! Это Том Кинг!

Направляясь в раздевалку, он встретил секретаря — востроглазого молодого человека с лисьей мордочкой; тот пожал ему руку.

— Как вы себя чувствуете, Том? — спросил он.

— Превосходно! Свеж, как огурчик! — ответил Кинг, хотя знал, что лжет и что, будь у него сейчас в кармане фунт стерлингов, он отдал бы его, не задумываясь, за хороший кусок мяса.

Когда он вышел из раздевалки и в сопровождении своих секундантов двинулся по проходу между скамьями к квадратной, огороженной канатами площадке в центре зала, томящиеся в ожидании зрители встретили его бурными аплодисментами и приветствиями. Том Кинг раскланивался направо и налево, но замечал мало знакомых лиц. Большинство зрителей составляли зеленые юнцы, которых еще на свете не было, когда он пожинал первые лавры на ринге. Нырнув под канат, Кинг легко вскочил на площадку, прошел в свой угол и опустился на складной стул. Судья Джек Болл направился к нему — пожать ему руку. Болл, сошедший с ринга боксер, не выступал уже свыше десяти лет. Кинга обрадовало, что судьей назначен Болл. Оба они были старики. Том знал: на Болла можно положиться. Если он обойдется с Сэндлом не совсем по правилам, Болл с него не взыщет.

Молодые тяжеловесы один за другим поднимались на площадку, судья представлял их публике и тут же объявлял их ставки.

— Молодой Пронто из Северного Сиднея,— выкликал он,— вызывает победителя. Ставит пятьдесят фунтов!

Публика аплодировала. Когда Сэндл, перескочив через канат, уселся в своем углу, его тоже встретили аплодисментами. Том Кинг с любопытством поглядел на противника. Еще несколько минут — и они сойдутся в

беспощадном бою, в котором каждый из них приложит все силы, чтобы измолотить другого до бесчувствия. Но рассмотреть Сэндла хорошенько он не мог, потому что тот, как и он сам, был в брюках и свитере, надетых поверх спортивного костюма. Лицо Сэндла было мужественно и красиво, над лбом вились золотистые кудри, крепкая, мускулистая шея говорила о физической мощи.

Юный Пронто прошел из угла в угол, чтобы обменяться рукопожатиями с противниками, и спрыгнул с ринга. Вызовы продолжались. Юнцы один за другим проскакивали под канат — еще безвестные, но полные задора, спеша объявить на весь мир о своей готовности померяться с победителем силой и ловкостью. Несколько лет назад непобедимому Тому Кингу, достигшему апогея славы, все предшествующие бою церемонии казались смешными и скучными. Но теперь он сидел как зачарованный, не в силах оторвать глаз от этого парада Молодости. Так было всегда — все новые и новые юнцы проскакивали под канат и бросали свой вызов всем. И старики неизменно склонялись перед ними, побежденные. Молодые карабкались к успеху по телам стариков. Их прибывало все больше и больше. То была Молодость — ненасытная, непобедимая. И всегда они сметали с дороги стариков, а потом сами старели и катились вниз, следом за стариками, а за ними, неустанно напирая на них, бесконечной чередой шли новые и новые поколения. И так будет до скончания веков, ибо Молодость идет своим путем и никогда не умирает.

Кинг бросил взгляд на ложу журналистов и кивнул Моргану из «Спортсмена» и Корбетту из «Рефери». Потом протянул руки своим секундантам, Сиду Сэлливену и Чарли Бейтсу. Они надели на него перчатки и туго затянули их под внимательным взором одного из секундантов Сэндла, который сначала придирчиво проверил обмотки на суставах Кинга. Секундант Кинга выпол-

нил ту же обязанность по отношению к Сэндлу. С Сэндла стянули брюки, он встал, с него стащили через голову свитер, и Том Кинг увидел перед собой воплощение Молодости — могучую грудь и крепкие мускулы, которые играли, перекатываясь, как живые, под атласной кожей. Жизнь била ключом в этом теле, и Том Кинг знал, что оно не растратило еще своей свежести, что жизнь еще не уходила из него по капле через все поры в долгих изнурительных боях, в которых Молодость платит свою дань, выходя из них всякий раз уже не столь юной.

Противники двинулись навстречу друг другу; прозвучал гонг, секунданты спрыгнули вниз, унося складные стулья. Том Кинг и Сэндл обменялись рукопожатиями и встали в стойку. И сразу же Сэндл, действуя подобно хорошо слаженному механизму из стали и пружин, сделал выпад, отступил, повторил выпад, левой ударил Тома в глаза, правой под ребра, нырнул, чтобы избежать ответного удара, легко, словно танцуя, отскочил назад и так же легко сделал угрожающий бросок вперед. Он был стремителен и ловок. Зрелище показалось увлекательным. Зал огласился восторженными криками. Но Кинг не был ослеплен этим зрелищем. Он провел уже столько боев, с таким множеством молодых боксеров, что знал цену подобным ударам, чересчур быстрым и чересчур ловким, чтобы быть опасными. По-видимому, Сэндл намеревался развязать бой сразу. Этого следовало ожидать. Так действует Молодость, щедро расточая свое несравненное превосходство, свою дивную красу в бешеных натисках и яростных схватках и подавляя противника великолепием своей силы и жажды победы.

Сэндл — легконогий, горячий, живое чудо сверкающего белизной тела и разящих мускулов — наступал и отступал, мелькая то тут, то там, повсюду, скользя и ныряя, как снующий челнок, сплетая тысячу движений в ослепительный натиск, устремленный к одной цели —

уничтожить Тома Кинга, стоящего на его пути к славе. И Том Кинг терпеливо это сносил. Он знал свое дело и теперь, когда сам уже не был молод, понял, что такое Молодость. Сейчас оставалось только выжидать, пока противник не выдохнется. И, порешив так, он ухмыльнулся, пригибаясь, умышленно подставляя свое темя под тяжелый удар. Это был предательский прием, но разрешенный правилами бокса. Каждый должен сам беречь свои суставы, а если противник упорно старается треснуть тебя по макушке, пусть пеняет на себя. Кинг мог избежать удара, нагнувшись ниже, но ему припомнились его первые бои и то, как он впервые расплющил сустав пальца о голову Валлийского Страшилища. Теперь он платил той же монетой. Этот маневр был рассчитан на то, что Сэндл разобьет себе костяшку о его голову. Пусть даже Сэндл и не заметит этого сгоряча,— с той же великолепной беззаботностью он будет снова и снова наносить такие же тяжелые удары до конца боя. Но когда-нибудь впоследствии, когда долгие бои начнут сказываться на нем, Сэндл оглянется назад и пожалеет о том, что раздробил этот сустав о голову Тома Кинга.

Весь первый раунд нападал один Сэндл, и зрительный зал гудел, восхищаясь молниеносностью его ураганных атак. Он обрушивал на Кинга лавину ударов, а Кинг не отвечал. Он не нанес ни одного удара, только прикрывался, блокировал, нырял, входил в клинч, спасаясь от нападения. Он двигался неторопливо, временами делал ложный выпад, тряс головой, получив увесистый удар, и ни разу не сделал ни одного прыжка, ни одного отскока, не потратил ни капли сил. Пусть в Сэндле осядет пена Молодости, прежде чем осторожная Старость решится отплатить ей. Все движения Кинга были размеренны, неспешны, а прикрытые тяжелыми веками глаза и застывший взгляд придавали ему вид человека, который оглушен или движется в полусне. Но глаза его видели все — за двадцать с лишним лет

работы на ринге они приучились ничего не упускать. Они не жмурились, встречая удар, в них не мелькало боязни, они смотрели холодно, измеряя дистанцию.

В минутный перерыв по окончании раунда Том Кинг отдыхал в своем углу. Вытянув ноги, широко раскинув руки и положив их на канаты, он глубоко дышал всей грудью и животом, в то время как секунданты обмахивали его полотенцем. Закрыв глаза, он прислушивался к голосам в публике.

— Почему ты не дерешься, Том? — кричали некоторые из зрителей.— Боишься ты его, что ли?

— Скованность мускулов! — заявил кто-то в первом ряду.— Он не может двигаться быстрее. Два фунта против одного за Сэндла!

Прозвучал гонг, и противники двинулись из своих углов. Сэндл прошел три четверти разделявшего их расстояния — ему не терпелось начать, а Кинг был доволен, что на его долю осталось меньше. Это отвечало его тактике экономии сил. Он не получил хорошей тренировки, скудно питался, и каждый шаг надо было беречь. К тому же он уже отмахал две мили пешком до ринга! Этот раунд был повторением предыдущего: Сэндл налетал на противника, как вихрь, и зрители орали, возмущаясь, почему Кинг не дерется. Кроме нескольких вялых, безрезультативных ударов и ложных выпадов, Кинг ничего не предпринял — только увертывался, блокировал и входил в клинч. Сэндл стремился навязать бой в бешеном темпе, но Кинг, умудренный опытом, не шел на это. Он продолжал беречь силы, ревниво, как бережет только Старость, и усмехался с выражением какого-то грустного торжества на изуродованном в схватках лице. А Сэндл был сама Молодость и расточал силы с великолепной беспечностью Молодости. Кинг — мастер ринга — обладал мудростью, выработанной в многочисленных тяжелых боях на ринге. Движения его были неторопливы. Ни на секунду не теряя головы, он холодным взглядом следил за Сэндлом, до-

жидаясь, когда у него остынет боевой задор. Большинству зрителей казалось, что Кинг безнадежно слаб, потерял класс, и они громко выражали свое мнение, ставя три против одного за Сэндла. Но кое-кто поопытней, знавший прежнего Кинга — таких нашлось немного,— принимал пари, считая, что выигрыш ему обеспечен.

Третий раунд начался так же, как и предудыщие,— активность принадлежала Сэндлу, он все время шел в нападение. Раунд длился уже с полминуты, когда Сэндл в пылу самонадеянности раскрылся. Глаза Кинга сверкнули, и в то же мгновение его правая рука взметнулась вверх. Это был его первый настоящий удар — хук, нанесенный полусогнутой в локте рукой для придания ей жесткости, усиленный всей тяжестью тела, описавшего полукруг. Словно притворяющийся спящим лев молниеносно выбросил разящую лапу. Удар пришелся Сэндлу в челюсть сбоку и повалил его на пол, как вола на бойне. Зрители ахнули, и по залу прошел благоговейный шепот одобрения. Оказывается, этот старик вовсе не страдает скованностью мускулов, его правая бьет, как кузнечный молот!

Сэндл был ошеломлен. Он перевернулся, намереваясь встать, но секунданты закричали, чтобы он выждал счет, и остановили его. Привстав на одно колено, он ждал, готовый подняться, пока судья, стоя над ним, громко отсчитывал секунды у него над ухом. На девятой секунде он уже стоял, готовый к бою, и Том Кинг, взглянув на него, пожалел, что удар не пришелся дюймом ниже — точно в подбородок. Тогда это был бы нокаут, и он пошел бы домой, к жене и ребятишкам, с тридцатью фунтами в кармане.

Раунд продолжался, пока не истекли положенные три минуты. Сэндл, казалось, впервые почувствовал уважение к своему противнику, а Кинг был все так же нетороплив, и его глаза снова приобрели прежнее сонное выражение. Когда секунданты уже присели на корточки у ринга, готовясь проскочить под канат, Кинг, поняв, что раунд

близится к концу, стал направлять бой к своему углу. С ударом гонга он уже опускался на стул, в то время как Сэндлу нужно было еще пересечь по диагонали всю площадку, чтобы добраться до своего угла. Это была мелочь, но мелочи, складываясь вместе, приобретают немалое значение. Сэндлу пришлось сделать несколько лишних шагов, потратить на это какую-то энергию и потерять частицу драгоценного отдыха. В начале каждого раунда Кинг медленно подвигался вперед из своего угла и тем самым заставлял противника пройти большую часть расстояния. А к концу раунда он манезрировал так, чтобы перенести бой поближе к своему углу, где он мог сразу опуститься на стул.

В последующих двух раундах Кинг расходовал силы все так же бережливо, Сэндл — все так же расточительно. Сэндл сделал попытку форсировать бой, и Кингу пришлось довольно туго, ибо немалая часть обрушившихся на него бессчетных ударов попала в цель. И все же Кинг упорно оставался пассивен, хотя молодежь в зале шумела и кое-какие горячие головы требовали, чтобы он принял бой. В шестом раунде Сэндл опять допустил промах, и снова страшная правая рука Кинга мелькнула в воздухе, и снова Сэндлу, получившему удар в челюсть, были отсчитаны девять секунд.

В седьмом раунде Сэндл чувствовал себя уже не столь блестяще; он понял, что ввязался в тяжелый, беспримерный бой. Том Кинг был старик, но с таким стариком ему ни разу еще не приходилось меряться силами; он никогда не терял головы, был поразительно искусен в защите, а удар его обладал силой тяжелой дубинки, и казалось, в каждом кулаке у него скрыто по нокауту. Тем не менее Кинг не отваживался часто наносить удары. Он ни на минуту не забывал о своих искалеченных суставах, зная, что каждый удар должен быть на счету, чтобы костяшки пальцев выдержали до конца боя. Сидя в своем углу и поглядывая через площадку на противника, он подумал вдруг, что молодость Сэндла в соединении

с его собственным опытом могла бы дать мирового чемпиона-тяжеловеса. Но в том-то и вся суть: Сэндлу никогда не стать чемпионом мира. Сейчас ему не хватает опыта, а приобрести его он может только ценой своей молодости, но когда он его приобретет, молодость уже будет позади.

Кинг пользовался всеми преимуществами, какие давал ему опыт. Он ни разу не упустил случая перейти в клинч, и при этом почти всегда его плечо основательно надавливало противнику на ребра. Философия ринга гласит, что плечо и кулак одинаково хороши, когда надо нанести повреждение, но в смысле экономии сил первое имеет несомненные преимущества. К тому же в клинчах Кинг отдыхал, наваливаясь всей тяжестью на противника, и весьма неохотно расставался с ним. Всякий раз требовалось вмешательство судьи, разъединявшего их с помощью самого Сэндла, еще не научившегося отдыхать. Сэндл же не мог удержаться, чтобы не пускать в ход своих стремительно взлетающих рук и играющих мускулов. Когда Кинг входил в клинч, с силой заезжая Сэндлу плечом в ребро и пряча голову под его левую руку, тот почти неизменно заносил правую руку за спину и бил в торчащее из-под его подмышки лицо. Это был ловкий прием, чрезвычайно восхищавший публику, но неопасный и, следовательно, приводивший лишь к бесполезной трате сил. И Кинг только ухмылялся, стойко снося удары.

Сэндл правой нанес Кингу яростный удар в корпус. Со стороны могло показаться, что Кингу на этот раз здорово досталось, но кое-кто из завсегдатаев ринга сумел оценить ловкое прикосновение левой перчатки Кинга к бицепсу противника перед самым ударом. Правда, каждый удар Сэндла попадал в цель, но всякий раз прикосновение Кинга к его бицепсу лишало удар силы. В девятом раунде согнутая в локте правая рука Кинга трижды на протяжении одной минуты наносила Сэндлу удар в челюсть, и трижды Сэндл всей своей тяжестью грохался на пол. И всякий раз он, использовав положенные

девять секунд, поднимался на ноги — оглушенный, но все еще сильный. Однако он заметно утратил свою стремительность и действовал осмотрительнее. Лицо его стало угрюмо, но он по-прежнему делал ставку на свой главный капитал — молодость. Главным же капиталом Кинга был опыт. С тех пор как силы его стали сдавать и боевой дух слабеть, Кинг заменил их мудростью и хитростью, приобретенными в многолетних боях, и расчетливой экономией сил. Он научился не только избегать лишних движений, но и выматывать вместе с тем силы противника. Снова и снова обманными движениями ноги, руки, корпуса он принуждал Сэндла отскакивать назад, увертываться, наносить контрудары. Кинг отдыхал, но ни на минуту не давал отдохнуть Сэндлу. Такова была стратегия Старости.

В начале десятого раунда Кинг начал парировать атаки Сэндла прямыми ударами левой в лицо, и Сэндл, став осторожнее, прикрывался левой, а затем отвечал длинным боковым ударом правой в голову. Удар этот приходился слишком высоко, чтобы иметь роковые последствия, но когда он впервые был нанесен, Кинг испытал давнишнее, знакомое ощущение, словно какая-то черная пелена заволокла его мозг. На мгновение — вернее, на какую-то долю мгновения — Кинга словно не стало. Противник исчез из глаз, исчезли и белые выжидающие лица на заднем плане; но тут же он снова увидел и противника, и зрительный зал. Словно он на миг заснул и тотчас открыл глаза. Миг этот был так короток, что Кинг не успел упасть. Зрители видели, как он пошатнулся, колени у него подогнулись, но он тут же оправился и уткнул подбородок поглубже, прикрываясь левой.

Сэндл повторял этот удар несколько раз подряд, держа Кинга в полуоглушенном состоянии, а затем тот выработал особый способ защиты, служивший одновременно и контратакой. Сосредоточив внимание противника на своей левой, он отступил на полшага назад и в то же мгновение нанес ему что было сил апперкот правой.

Удар был так точно рассчитан, что угодил Сэндлу прямо в лицо в ту самую минуту, когда он наклонился, и Сэндл, подброшенный кверху, упал, стукнувшись головой и плечами об пол. Кинг повторил этот прием дважды, затем перестал беречь силы и, обрушив на противника град ударов, прижал его к канату. Он не давал Сэндлу опомниться, не давал ему передохнуть, бил и бил его под рев зрителей, вскочивших с мест, и несмолкающий гром аплодисментов. Но сила и выносливость Сэндла была великолепны, и он все еще держался. Нокаут казался неизбежным, и полисмен, увидев, что это может кончиться плохо, появился возле площадки, намереваясь прекратить бой. Гонг возвестил об окончании раунда, и Сэндл, шатаясь, добрался до своего угла, заверив полисмена, что он в полном порядке. В доказательство он дважды подпрыгнул, и тот сдался.

Кинг сидел в своем углу, откинувшись назад, тяжело дыша. Он был разочарован. Если бы бой прекратили, судье пришлось бы вынести решение в его пользу, и приз достался бы ему. Он, не в пример Сэндлу, дрался не ради славы или карьеры, а ради тридцати фунтов. А теперь Сэндл оправится за эту минуту отдыха.

«Молодость свое возьмет!» — промелькнуло у Кинга в уме, и он вспомнил, что услышал впервые эти слова в ту ночь, когда убрал с дороги Стоушера Билла. Это сказал какой-то франт, угощая его после боя виски и похлопывая по плечу: «Молодость свое возьмет!» Франт оказался прав. В тот вечер — как он далек! — Кинг был молод. А сегодня Молодость сидит напротив него, вон в том углу. И он ведет с ней бой уже целых полчаса, а ведь он старик. Если б он бился, как Сэндл, ему бы и пятнадцати минут не выдержать. Все дело в том, что у него не восстанавливаются силы. Эти вот вздувшиеся артерии и усталое, измотанное сердце не дают ему набраться сил в перерывах между раундами. Да, по правде сказать, у него и перед состязанием сил было уже маловато. Он чувствовал, как отяжелели ноги и как по ним

пробегает судорога. Да, нельзя было идти пешком целых две мили перед самым боем! И еще с утра он тосковал по куску мяса! Великая, лютая ненависть поднялась в нем против лавочников, отказавшихся отпустить ему мяса в долг. Трудно старику выходить на ринг, не поев досыта. И что такое кусок говядины? Мелочь, и цена-то ему несколько пенни. А вот для него этот кусок мог бы превратиться в тридцать фунтов стерлингов.

Едва гонг возвестил о начале одиннадцатого раунда, как Сэндл ринулся в атаку, демонстрируя бодрость, которой у него уже и в помине не было. Кинг понимал, что это блеф, старый, как сам бокс. Сначала, спасаясь от противника, он ушел в клинч, затем, оторвавшись, дал возможность Сэндлу сделать стойку. Это было Кингу на руку. Притворно угрожая противнику левой, он заставил его нырнуть, вызвал на себя боковой удар снизу вверх и, отступив на полшага назад, сокрушительным апперкотом опрокинул Сэндла на пол. С этой минуты Кинг не давал Сэндлу передохнуть. Он сам получал удары, но наносил их неизмеримо больше, отбрасывая Сэндла к канатам, осыпая его прямыми и боковыми, короткими и длинными ударами, вырываясь из его клинчей или своевременно отражая попытки войти в клинч, подхватывая его одной рукой всякий раз, когда он готов был упасть, а другой отбивал к канатам, которые удерживали его от падения.

Зрители обезумели; теперь они все были на стороне Тома и чуть ли не каждый вопил:

— Давай, Том! Жарь! Наддай, Том! Всыпь ему! Твоя взяла, Том!

Финал обещал быть очень бурным, а ведь за это публика и платит деньги.

И Том Кинг, в течение получаса сберегавший силы, теперь расточительно расходовал их в едином мощном натиске, на который, он знал, его еще могло хватить. Это был его единственный шанс — теперь или никогда! Силы его быстро убывали, и он надеялся лишь на то,

что успеет свалить противника прежде, чем они иссякнут. Но, продолжая нападать и бить, бить, холодно оценивая силу ударов и размеры наносимых повреждений, он начинал понимать, как трудно нокаутировать такого малого, как Сэндл. Запас жизненных сил и выносливости был в нем неисчерпаем — нерастраченных жизненных сил и юношеской выносливости. Да, Сэндл, несомненно, далеко пойдет. Это прирожденный боксер. Только из такого крепкого материала и формируются чемпионы.

Сэндла кружило и шатало, но и у Тома Кинга ноги сводило судорогой, а суставы пальцев отказывались служить. И все же он заставлял себя наносить яростные удары, из которых каждый отзывался мучительной болью в его искалеченных руках. Но хотя на его долю сейчас почти не доставалось ударов, он слабел так же быстро, как противник. Его удары попадали в цель, но в них уже не было силы, и каждый стоил ему огромного напряжения воли. Ноги словно налились свинцом, и стало заметно, что он с трудом волочит их. Обрадованные этим симптомом, сторонники Сэндла начали криками подбадривать своего фаворита.

Это подхлестнуло Кинга, заставило его собраться с силами. Он нанес Сэндлу один за другим два удара: левой — в солнечное сплетение, чуть повыше, чем следовало, и правой — в челюсть. Удары были не тяжелы, но Сэндл уже так ослаб и выдохся, что они свалили его. Он лежал, и по телу его пробегала дрожь. Судья стал над ним, громко отсчитывая роковые секунды. Сэндл проиграл бой, если не встанет прежде, чем будет отсчитана десятая. Зрители затаили дыхание. Кинг едва держался на ногах; он испытывал смертельную слабость и головокружение; море лиц колыхалось у него перед глазами, а голос судьи, отсчитывавшего секунды, долетал откуда-то издалека. Но он был уверен, что выиграл бой. Не может быть, чтобы человек, избитый подобным образом, поднялся.

Только Молодость могла подняться — и Сэндл поднял-

ся. На четвертой секунде он перевернулся лицом вниз и ощупью, как слепой, ухватился за канат. На седьмой он привстал на одно колено и отдыхал; голова у него моталась из стороны в сторону, как у пьяного. Когда судья крикнул: «Девять!» — Сэндл уже стоял на ногах, в защитной позиции, прикрывая левой лицо, правой — живот. Охранив таким образом наиболее уязвимые места, он качнулся вперед, к Кингу, в надежде на клинч, чтобы выиграть время.

Едва Сэндл встал, как Кинг ринулся к нему, но два нанесенных им удара были ослаблены подставленными руками Сэндла. В следующее мгновение Сэндл был в клинче и прилип к противнику, отчаянно противясь попыткам судьи разнять их. Кинг старался освободиться. Он знал, как быстро восстанавливает силы Молодость и что, только помешав Сэндлу восстановить силы, он может его побить. Один хороший удар довершит дело. Сэндл побежден, несомненно, побежден. Он побил его, превзошел его боевым умением, набрал больше очков.

Выйдя из клинча, Сэндл пошатнулся,— судьба его висела на волоске. Опрокинуть его одним хорошим ударом, и ему конец! И снова Том Кинг с горечью подумал о куске мяса и пожалел, что не пришлось ему подкрепиться для последнего, решающего натиска. Собравшись с силами, он нанес этот удар, но он оказался недостаточно сильным и недостаточно быстрым. Сэндл покачнулся, но не упал и, привалившись к канатам, ухватился за них. Кинг, шатаясь, бросился к противнику и, преодолевая нестерпимую боль, нанес еще один удар. Но силы изменили ему. В нем уже не оставалось ничего, кроме борющегося сознания, тускнеющего, гаснущего от изнеможения. Удар, направленный в челюсть, пришелся в плечо. Кинг метил выше, но усталые мускулы не повиновались, и он сам едва устоял на ногах. Кинг повторил удар. На этот раз он и вовсе промахнулся и, совершенно обессилев, привалился к Сэндлу, обхватив его руками, чтобы не упасть.

Кинг уже не пытался оторваться. Он сделал все, что мог, и для него все было кончено. А Молодость взяла свое. Привалившись к Сэндлу в клинче, он почувствовал, что тот крепнет. Когда судья развел их, Кинг увидел, как Молодость восстанавливает силы у него на глазах. Сэндл набирался сил с каждым мгновением; его удары, сперва слабые, не достигавшие цели, становились жесткими и точными. Том Кинг, как в тумане, заметил кулак в перчатке, нацеленный ему в челюсть, и хотел защититься, подставив руку. Он видел опасность, хотел действовать, но рука его была слишком тяжела. Казалось, в ней тонны свинца, она не могла подняться, и Кинг напряг всю волю, чтобы поднять ее. Но в это мгновение кулак в перчатке попал в цель. Острая боль пронизала Кинга, как электрическим током, и он провалился в темноту.

Открыв глаза, он увидел, что сидит на стуле в своем углу, и услышал рев публики, доносившийся до него, словно шум морского прибоя у Бонди-Бич. Кто-то прикладывал влажную губку к его затылку, а Сид Сэлливен поливал ему лицо и грудь живительной струей холодной воды. Перчатки были уже сняты, и Сэндл, нагнувшись над ним, пожимал ему руку. Кинг не испытывал недоброжелательства к этому человеку, который убрал его с дороги, и ответил таким сердечным рукопожатием, что его искалеченные суставы напомнили о себе. Потом Сэндл вышел на середину ринга, и адский шум на мгновение стих, когда он заявил, что принимает вызов юного Пронто и предлагает поднять ставки до ста фунтов. Кинг безучастно глядел, как секунданты вытирают его тело, залитое водой, прикладывают ему полотенце к лицу, готовят его к уходу с ринга. Кинг чувствовал голод, не тот обычный грызущий голод, который часто испытывал, а какую-то огромную слабость, болезненную мелкую дрожь под ложечкой, передававшуюся всему телу. Его мысли снова вернулись к бою, к той секунде, когда Сэндл едва держался на ногах и был на волосок от поражения. Да, кусок мяса довершил бы дело! Вот чего не хватало ему,